

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Лямур, тужур
и абажур

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова
Лямур, тужур и абажур
Серия «Частный сыщик
Василий Куликов»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936075

Лямур, тужур и абажур : роман / Наталья Александрова: Эксмо;

Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35424-5

Аннотация

Мамочки! Следите за своими детьми, а иначе в один не прекрасный день... Анна Галкина – главный бухгалтер фирменной сети «Бонжур» – дневала и ночевала на работе, посвящая редкие свободные часы молодому любовнику. А куда же смотрел папаша?! Тот уже много лет назад был выгнан стервозной карьеристкой-супругой без права свиданий с собственной дочерью. В итоге никому на свете не нужная Маша Галкина пошла своим скользким путем: вопреки материнским запретам отыскала родного отца и как-то раз «одолжила» без спроса у мачехи старинное изумрудное кольцо. Дорогую вещь украла. И куда кинулась за помощью бедная Маша? Ну конечно, к частному детективу.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

84

Наталья Александрова

Лямур, тужур и абажур

Василий Макарович снял крышку с термоса и налил в нее кофе. Кофе был крепкий и сладкий, и Василий Макарович немного приободрился. Он уже третий час сидел в своих стареньких «Жигулях», не сводя глаз с подъезда, и его невольно начало клонить в сон.

Василий Макарович Куликов много лет отработал в милиции и, когда коллеги проводили его на заслуженный отдых, почувствовал пустоту и одиночество. Правда, родное отделение раскошело и на прощание подарило ветерану дорогой плазменный телевизор, но Куликов был не из тех, кто готов просиживать целые дни перед телевизором, смотря какой-нибудь сериал или тупое ток-шоу.

Ему не хватало событий, бессонных ночей и многочасовых засад, трудных погонь и опасных задержаний – всего того, к чему он привык за долгие годы работы.

И вот, помаявшись бездельем, он не выдержал и открыл частное детективное агентство. Правда, сотрудников в этом агентстве было всего двое – сам Василий Макарович и славная девушка Василиса, с которой Куликова свела судьба.

Ну и еще, конечно, Бонни... но об этом позднее.

Клиентов у нового агентства было мало, так что Василий Макарович брался за любую работу, даже не слишком при-

ятную.

Вот и сейчас он следил за молодой женщиной по поручению ее малосимпатичной свекрови.

Эта тетка среднего пенсионного возраста пришла к нему накануне и произвела на Василия Макаровича неизгладимое впечатление. Глядя в маленькие пороссячьи глазки и заметив ее поджатые губы, Василий Макарович почувствовал сильное желание спустить клиентку с лестницы. Да так, чтобы она больше никогда не смогла ходить. Или забыла дорогу к нему напрочь. Он вздумал было отговориться занятостью, но тетка своими свинячьими глазками мигом просветила его, как рентгеном, аж до самых печенок и поняла, кто он есть – полунищий бывший милиционер на пенсии. Денег у него нету, так что он обрадуется любому случаю подзаработать и много не запросит. Тетка ко всему прочему была еще и жадна до неприличия.

Но самой главной ее особенностью была фантастическая суперненависть к невестке. Уж Василий Макарович на своей работе повидал всякого и убедился, что между свекровью и невесткой никакой любви быть не может по определению. А если мамаша утверждает, что обожает жену своего ненаглядного сыночка, то она просто очень хитрая и все нарочно врет. Всякое бывало в его практике – и стиральный порошок свекровь невестке в суп сыпала, и щетину под простыню подкладывала, и платья невесткины в запале на мелкие кусочки резала, но чтобы так ненавидеть... Какой уж тут по-

рошок в супе, эта свекровь решила расправиться с невесткой раз и навсегда, чтобы духу ее в доме не было!

«Я чувствую, что она бегает налево! – заявила свекровь на первой встрече с Куликовым. – Она изменяет моему Игорьку, а тот ничего не замечает! Я должна взять все в свои руки и открыть моему мямле глаза на жену!»

И вот теперь Василий Макарович следил за женой доверчивого Игорька, отработывая более чем скудный аванс. Он следил за Ириной, так звали его объект, уже третий день и пока не заметил в ее поведении ничего предосудительного.

Василий Макарович допил кофе, закрыл термос и убрал его в сумку.

И тут дверь подъезда распахнулась, и из него выпорхнула симпатичная молодая блондинка в коротком норковом полужубке.

Куликову незачем было сверяться с фотографией: за два предыдущих дня он уже очень хорошо запомнил Ирину. Он следил за тем, как она посещает магазины, как встречается с приятельницами за чашкой кофе, как часами просиживает в салоне красоты – словом, ведет нормальный образ жизни молодой красивой женщины, жены вполне обеспеченного человека. Откровенно говоря, зацепиться Василию Макаровичу было абсолютно не за что.

Но сегодня чутье опытного мента шепнуло ему, что у Ирины на уме что-то предосудительное.

Впрочем, такой вывод можно было сделать и на основа-

нии вполне реальных признаков: молодая женщина, и так очень миловидная, сегодня выглядела просто сногсшибательно. Тщательно уложенные волосы, продуманный макияж, сапожки на супервысоком каблуке, уже упомянутый норковый полушубок, не вполне соответствующий теплой погоде, – нет, одним словом, слегка перефразируя цитату из культового фильма, наши люди в булочную в таком виде не ходят. Равно как и в супермаркет, да, пожалуй что, и в фитнес-центр...

Короче, Василий Макарович готов был отдать голову на отсечение, что Ирина собралась на любовное свидание!

Женщина подошла к краю тротуара, подняла руку, и около нее тут же остановилась машина. Ничего удивительного – такую красотку кто угодно с удовольствием подвезет...

Василий Макарович включил зажигание и поехал за зеленой «Хондой».

По случаю плохой погоды машин на улицах было мало, и он без труда следовал за объектом, вспоминая долгие годы работы в родном отделении милиции.

Впрочем, преследование вышло недолгим. Зеленая «Хонда» вывернула на Лиговский проспект, проехала по нему минут десять и остановилась в тихом переулке.

Красотка в норковом полушубке расплатилась и выпорхнула на тротуар. Впрочем, слово «выпорхнула» в данном случае не самое удачное. Оно подошло бы для другого времени года и другой погоды, а сейчас правильнее было бы

сказать, что она выкарабкалась из машины, с ходу погрузившись едва не по колени в подтаявший снег.

С неба падали мокрые хлопья, под ногами хлопала раскисшая каша, и напрашивались серьезные причины, чтобы заставить такую ухоженную особу пройти пешком хотя бы сотню метров... но она смело шагала по переулку сквозь снегопад, казалось, не замечая кошмарную погоду.

«Ага! – подумал Василий Макарович, не спуская с нее глаз. – Не доехала до места! Попросила водителя остановиться в стороне! Значит, соблюдает правила конспирации! Точно, к любовнику идет!»

Красотка прошла два квартала и наконец остановилась перед металлической дверью подъезда. Опасливо оглядевшись по сторонам, она достала из сумочки ключ-таблетку и открыла электронный замок.

Объект скрылся за дверью, и Василий Макарович, заглушив мотор своих «Жигулей», бросился следом за ней.

Дом, в который вошла красотка, окружали строительные леса. Судя по всему, он находился в состоянии косметического ремонта, а именно – несколько гастарбайтеров неторопливо красили фасад непритязательной светло-сиреневой краской. Неизвестно, кому пришлось в голову заниматься окраской здания в конце февраля – видимо, требовалось срочно «освоить» выделенные средства. Впрочем, Василия Макаровича данный вопрос совершенно не интересовал. Для него леса были удобным способом проследить за

своим объектом.

Он поднял воротник пальто, защищаясь от мокрого снега, и полез по деревянной лестнице, приставленной к лесам.

Когда он взобрался на первый уровень лесов, навстречу ему шагнул смуглый маляр в перепачканном краской ватнике.

– Ты куда, дядя? – запричитал он, загораживая дорогу. – Туда ходи нельзя, дядя, обратно ходи надо! Хозяин узнает, дядя, ругаться будет!

– Милиция! – рявкнул Василий Макарович, сунув под нос гастарбайтеру давно просроченное удостоверение, которое он сохранил на память о суровых буднях службы охраны общественного порядка.

Маляр побледнел и тут же исчез: милиции он боялся больше, чем хозяина.

Василий Макарович, крихтя и охая, побрел по лесам, заглядывая в окна.

Здесь, видимо, располагался какой-то офис: компьютерные столы, множительная техника, озабоченные сотрудники...

Вряд ли поднадзорная красotka так прихорашивалась для посещения какой-то захудалой фирмы!

Детектив дошел до конца настила и вскарабкался на следующий этаж.

Здесь располагались две жилые квартиры. В одной Василий Макарович увидел старушку, прилипшую к экрану те-

левизора. В соседней он вначале вообще никого не заметил, но вдруг к окну подлетел фокстерьер и залился оглушительным лаем.

– Тише, тише! – прикрикнул на него Куликов и поспешил на следующий этаж, пока бдительный пес не переполошил весь дом.

И тут ему наконец повезло.

Заглянув в первое же окно, Василий Макарович увидел свою красотку.

И убедился, что противная заказчица была совершенно права в своих подозрениях: Ирина, даже не успев снять полушубок, висела на шее широкоплечего темноволосого мужчины лет тридцати с небольшим.

К счастью для детектива, шторы на окне были задернуты не до конца, оставляя достаточный простор для наблюдения.

– Ну, дело сделано! – удовлетворенно пробормотал Куликов, вытаскивая из сумки цифровой фотоаппарат. – Сейчас наснимаю компромата и сдам той ведьме! Дальше пускай сама разбирается!

Тем временем любовники как будто специально старались обеспечить Василия Макаровича хорошими снимками: блондинка сбросила полушубок и эффектным жестом отшвырнула его в угол комнаты, стянула через голову короткое платье...

Василий Макарович крикнул и покраснел: девица была хороша. Более чем хороша.

За годы, проведенные в милиции, Куликову пришлось испытать многое: он видел воров и бандитов, ловил жуликов и убийц, общался с аферистами и расхитителями общественной собственности, но такой стриптиз в исполнении ослепительной красотки ему довелось видеть впервые.

Чтобы преодолеть естественное волнение и довести до конца начатое дело, он навел на красотку фотоаппарат, нажал кнопку...

И вполголоса выругался: снимка не получилось, а на дисплее аппарата появился значок: батарея разряжена.

«Ну что же это такое! – думал Василий Макарович, с тоской переводя взгляд с фотоаппарата на окно. – Ну почему я не проверил батарейки? Нет, с техникой я точно не в ладах!»

Тем временем события за окном развивались естественным путем: Ирина уже освободилась от последних остатков одежды, любовник подхватил ее на руки и, глухо урча от возбуждения, понес к широкой кровати...

«Где мои тридцать лет... – грустно думал невезучий детектив. – Или хотя бы сорок...»

Впрочем, он должен был признаться самому себе, что и в молодые годы не был избалован вниманием таких ослепительных красоток. И вообще – в данный момент его больше волновал другой вопрос – как завершить порученное ему дело, не имея при себе фотоаппарата...

И тут его посетила мысль, простая, как все гениальные мысли.

Он тихонько отошел от окна, прокрался в другой конец помоста и достал мобильный телефон.

Набрав номер заказчицы, проговорил, понизив голос:

– Варвара Евстигнеевна, я их застукал! Если хотите увидеть своими глазами, приезжайте... – и он продиктовал адрес любовного гнездышка. – Только быстрее, пока они еще здесь...

– Буду через двадцать минут! – ответила заказчица, не задавая лишних вопросов.

Как ей удалось за двадцать минут поймать машину и доехать через засыпанный снегом город – остается неизвестным. Видимо, как ее невестка летела на свидание на крыльях любви, так свекровь мчалась на крыльях ненависти. Правда, у Василия Макаровича появилось другое, более экзотическое объяснение: он решил, что заказчица прилетела на помеле.

Так или иначе, но ровно через двадцать минут она появилась перед подъездом, красная от спешки и злости.

– Где? – выпалила она, вцепившись в рукав детектива. – Где эта мерзавка?

– Тише! – Куликов поднес палец к губам. – Не спугните их!

Он подвел заказчицу к лесам, раздумывая, как поднять ее на третий этаж... но она была так разъярена, что одним махом взлетела по приставным лестницам.

– Где? – повторила свекровь свистящим шепотом.

– Здесь! – Василий Макарович подвел ее к окну и загля-

нул туда первым. Ирина была в постели одна. Она вольготно разметалась, откинув в сторону одеяло, и ждала своего любовника, чтобы вновь одарить его страстными ласками...

Несчастный детектив снова залился краской и подумал, каким все же неблагоприятным делом занимается...

Но работа есть работа. Он подманил заказчицу к окну и показал на невестку, прошептав:

– А хахаль, видно, вышел...

Если Василий Макарович рассчитывал, что обманутая свекровь удовлетворится ролью пассивного свидетеля, – ему суждено было разочароваться: Варвара Евстигнеевна бросилась на окно, как солдат на бруствер окопа. Окно, видимо, не было плотно закрыто, оно распахнулось под напором разгневанной женщины, и свекровь ввалилась в гнездо разврата.

– Мерзавка! – завопила она, бросившись к невестке с явным намерением растерзать ее собственными руками. – Стерва! Развратница! Извращенка!

Василий Макарович не хотел, чтобы дело завершилось смертоубийством. Он попытался остановить разъяренную заказчицу... но это было сродни попытке остановить торнадо или горную лавину. Варвара неслась к цели, круша и сметая все на своем пути.

Ирина, увидев влетевшую в окно свекровь, испуганно взвизгнула, вскочила с кровати и отпрыгнула в другой конец комнаты, безуспешно пытаясь прикрыться первым, что ей попало под руку, – телефонным справочником «Желтые

страницы». Впрочем, справочник закрывал очень немного. Можно сказать, почти ничего.

Увидев, что жертва переместилась, свекровь затормозила со скрипом, как машина на вираже, и сменила направление, продолжая костерить невестку:

– Потаскуха! Развратная тварь! Блудница вавилонская! Шлюха подзаборная!

Увлечшись красочным перечислением, она не смотрела под ноги и споткнулась о невесткин сапог. Упасть она не упала, но потеряла драгоценную секунду, дав Ирине возможность снова перебежать в другой угол.

Василий Макарович сделал еще одну попытку остановить разбушевавшуюся заказчицу, но та отмахнулась от него, как от назойливого комара, при этом нечаянно (а может быть, и нарочно) угодила ему локтем в глаз.

Несчастный детектив отлетел в сторону, едва удержавшись на ногах, и подумал, что такой профессиональный хук он получил лет пятнадцать назад во время задержания известного вора-домушника по кличке Миша-Амбал.

Ирина собралась с силами и теперь очень ловко и грациозно перебегала по комнате, уклоняясь от свекрови и что-то безуспешно пытаясь той сказать. Старая ведьма ее не слушала и только поливала отборными ругательствами, пытаясь от слов перейти к делу.

Подбитый глаз детектива заплыл, и он оставшимся глазом с несомненным мужским интересом наблюдал за прыжками

и перебежками обнаженной красотки. Попытки вмешаться в происходящее он не повторял, поняв, что это ему уже не под силу.

– Кошка драная! – вопила свекровь. – Потаскуха подзаборная! Дрянь помойная!

Василий Макарович отметил, как заказчица начала повторяться, и подумал, что это, возможно, означает, что она скоро выдохнется...

И в этот момент дверь комнаты медленно открылась, и вошел любовник Ирины.

Вид у него был впечатляющий.

Мужчина был голый, только спереди его прикрывал кокетливый розовый передник, а на лице красовалась маска зайчика с длинными, жизнерадостно торчащими ушами. В руках сексуальный зайчик держал хромированный поднос с двумя бокалами, тарелочкой клубники и вазочкой со взбитыми сливками.

– А кого мы будем сейчас кормить клубничкой?! – донесся из-под заячьей маски дурашливый голос. – И кого мы сейчас намажем сливочками?

И только тут любовник Ирины узрел носящуюся по комнате разъяренную фурию.

Он попятился и издал какой-то звук, напоминающий рычание засорившегося унитаза.

Тетка, заметив милого зайчика, для начала запустила в него Ирининым сапогом. Ловким ударом она выбила из рук

любовника поднос. Бокалы разлетелись с печальным звоном, клубника рассыпалась по полу, перемешавшись со сливками.

– Прелюбодей! Извращенец! Грязный развратник! – воскликнула Варвара Евстигнеевна с новым пылом, найдя свежий объект для своей ненависти. – Бесстыжий греховодник!

Перепуганный любовник попытался выскочить из комнаты, но разъяренная мегера бросилась ему наперерез. Схватив левой рукой заячью маску, она замахнулась правой, намереваясь нанести ему сокрушительный удар.

– Покажи свое поганое лицо! – завопила она, сдергивая маску. – Стыдно в глаза глядеть порядочной женщине?

И тут слова застряли у нее в глотке, и она в немом изумлении попятилась.

– Что же это? Как же это? Почему же это? – забормотала она в полной растерянности. – Да как же это понимать?

В конце концов Варвара уперлась спиной в платяной шкаф и вынуждена была остановиться. Сделав рукой странный жест, как будто пытаясь отмахнуться от странного видения, она проговорила слабым голосом:

– Игорек?!

– Мама! – воскликнул «любовник», подняв руки в трагическом жесте. – Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

– А ты? Что *ты* здесь делаешь? – ответила Варвара Евстигнеевна вопросом на вопрос, постепенно собравшись с силами. – Что ты делаешь, мой сын, в этом гнезде разврата?

Что делаешь ты с этой... с этой развратной женщиной? – она непередаваемым брезгливым жестом указала на обнаженную Ирину, сжавшуюся в углу комнаты. Примерно таким движением чистоплотная домашняя кошка отдергивает лапу, когда, спускаясь с крыльца, попадает в лужу.

– Это моя жена! – с пафосом ответил Игорь. – И ты это прекрасно знаешь! Ты сама поставила нас в такие невыносимые условия, что нам приходится встречаться тайком, как любовникам! Ты постоянно вламываешься в нашу комнату, причем делаешь это в самый неподходящий момент! Ты уже почти загубила нашу интимную жизнь! Хорошо, что мы догадались снять квартиру! Кстати, как ты ее умудрилась найти?

Варвара Евстигнеевна очень выразительно покосилась на злополучного детектива.

– И кто этот человек, – продолжил Игорь, на глазах краснея от возмущения. – Кто этот тип, который нагло пялится на мою законную жену?!

– Наняла! – вдруг звонко расхохоталась Ирина. – Она этого козла наняла, чтобы за нами следить! Денег ему заплатила, не пожалела! Ой, не могу!

Супруга Игорька отбросила справочник «Желтые страницы» и стояла теперь нагая, хохоча, словно ведьма на шабаше.

– Ой, не могу! Всем теперь расскажу про твою мамашу! Это же надо до такого дойти!

В глубине души Куликов был с ней абсолютно согласен.

Но хохот Ирины постепенно переходил в истерический плач. Те двое стояли как истуканы, мамаша выпучила глаза и стала похожа на лягушку, страдающую базедовой болезнью, сыночек ее хватал ртом воздух, как рыба, так что Василию Макаровичу пришлось подойти к Ирине и легонько хлопнуть ее по щеке, чтобы пришла в себя. И тут молодой идиот, ее муж, очухался и с громким криком «Да как ты смеешь!» набросился на незадачливого детектива и двинул его в тот же самый глаз, куда недавно локтем угодила его мамаша.

Василий Макарович понял, что ему нужно как можно скорее покинуть место действия. И еще — что ему вряд ли придется рассчитывать на какие-то деньги сверх аванса.

— Дядя Вася, да не расстраивайтесь вы так! — Я заботливо погладила его по плечу.

— Ох, тетка, ну надо же так проколоться! — Василий Макарович страдальчески вздохнул и приложил к лицу полотенце, в которое я завернула полиэтиленовый пакет, наполненный льдом.

— Ну кто же знал, что свекровь до того довела невестку с сыном, что они тайком встречаются на съемной квартире! — говорила я.

— Но как же я-то не догадался! — причитал дядя Вася. — Уж, казалось бы, всякого повидал за сорок лет работы, а вот... на тебе! Позор на мою седую голову! Нет, но это ужас, до чего бабы хитрыми бывают! Ой, прости Василиса, не хо-

тел тебя обидеть...

Да я вовсе не обиделась, потому что роль свекрови мне вряд ли светит, если только в будущем, но так далеко я не загадываю. Сына у меня нету, дочки, кстати, тоже, сейчас я вообще незамужняя одинокая дама, без работы и без квартиры.

Два месяца назад мы с мужем оформили наконец развод, и я вздохнула с облегчением. Шесть лет семейной жизни оказались выброшены в мусорный бак, а я-то считала свой брак крепким, а себя – чрезвычайно счастливой. Но все это – дело прошлое, и незачем это прошлое ворошить.

Относительно одиночества. Некоторое время назад в моей жизни появился Бонни – вот это вот чудовище золоти-сто-песочного цвета, которое валяется сейчас на домашнем коврике, любовно связанном еще покойной женой дяди Васи – хозяйственная была женщина и домовитая, квартиру со-держала в порядке, до сих пор заметно.

Бонни достался мне по наследству, вроде бы случайно и ненадолго¹, однако быстро сумел занять в моем сердце главное место. Скажу не стыдясь: на сегодняшний день Бонни я люблю больше всех.

Бонни – бордоский дог, весом более шестидесяти килограммов, в его груди бьется храброе и нежное сердце. Один раз Бонни спас меня от верной смерти².

¹ См. роман Н. Александровой «Откройте принцу дверь».

² См. роман Н. Александровой «Кодекс поведения блондинки».

Меня Бонни горячо любит, иногда даже слишком. Так, например, он вбил себе в голову, что я – а) бестолковая, б) невнимательная и в) чрезвычайно доверчивая. Из всего перечисленного справедливым является лишь пункт в). И поэтому Бонни понимает свой долг так: никуда не отпускать меня одну, проводить вместе как можно больше времени, развлекать меня и выгуливать, чтобы у меня не было гиподинамии и депрессии. Еще Бонни обожает смотреть телевизор, причем предпочитает новости. Уж не знаю, что хорошего он в них находит, возможно, ему нравятся костюмы ведущих.

Стало быть, как вы уже поняли, абсолютное одиночество мне не грозит.

Теперь относительно работы. Некоторое время назад, в трудный период нашей жизни мы с Бонни повстречали дядю Васю – Василия Макаровича Куликова. Он нам очень помог тогда, и с тех пор мы подружились. Дядя Вася полюбил Бонни, хулиганский пес, как ни странно, слушается его гораздо лучше, чем меня. Так что иногда я могу дога оставить на дядю Васю. Они прекрасно ладят друг с другом – Бонни помогает бывшему оперативнику клеить модели танков и самоходок – есть у него такое невинное детское увлечение, а Василий Макарович читает ему вслух детские приключенческие книжки советского репертуара – «На графских развалинах», «Бронзовая птица», а также «Васек Трубачев и его товарищи».

Вдохновленный раскрытием убийства, в котором по пер-

вости обвинили меня, Василий Макарович решил открыть собственное частное детективное агентство, а меня собирался использовать в качестве бухгалтера и делопроизводителя. Забыла сказать, что специальность у меня, конечно, есть, но работала я по ней чуть больше года, потом выскочила замуж и осела дома. Так что теперь очень трудно куда-то устроиться – всюду требуются бухгалтеры с опытом работы, а у меня его, к сожалению, нет.

Но уж для фирмы дяди Васи и я сгодились бы, тут особого умения не нужно. Да и заказов-то пока с гулькин нос. Кста-ти сказать, я никак не хотела перебирать бумажки. А хотела напряженной и опасной работы частного детектива – вот такое у меня было странное желание, несвойственное средне-статистической женщине. Доказать всем и прежде всего самой себе, что я что-то могу.

Окружающие же, и прежде всего Василий Макарович, а также Бонни, в этом сильно сомневались. Да что там, дядя Вася был просто уверен, что у меня ничего не получится, и однажды в запале высказался прямо, называя вещи своими именами.

Мы даже поссорились, но оказалось, что в процессе работы ему никак не обойтись без напарника-женщины. Хочешь не хочешь, а пришлось ему понемногу вводить меня в курс дела и подключать к оперативной работе. И, между прочим, справляюсь я отлично, скажу без ложной скромности. Но дядя Вася ни за что мне в этом не признается. Так уж устро-

ены мужчины – никогда не оценят женщину в той области, где сами трудятся. Вот если бы я ему, к примеру, суп сварила или голубцы приготовила – тогда заслушалась бы похвал. Вот, кстати, надо бы старика подкормить, а то похудел тут на нервной работе.

– Хорошо, хоть аванс успел с этой бабы мерзкой взять, – вздыхал дядя Вася, – хоть бензин окупился.

После всего случившегося расчет у клиентов с дядей Васей был прост: старуха послала его неприличными словами, а ее сыночек еще и в глаз засветил. Глаз заплыл, а под ним живописно расположился фиолетовый синяк.

– И куда я теперь с такой рожей пойду? – дядя Вася глянул на себя в зеркало и ужаснулся.

– Ничего, – я решила, что пора менять лед, – заживет через недельку. А пока дома посидите, куда вам ходить-то? Вот разве что с Бонни на прогулку, так туда и с синяком можно, на собачьей площадке народ бывалый, всякого повидал...

Бонни поднял лобастую голову и дал понять, что полностью со мной согласен.

– Чаю сейчас попьем, – тараторила я, – мы с Бонни печенья купили, конфет шоколадных... Вы «Белочку» любите?

– Люблю... – Дядя Вася улыбнулся одним углом рта. – А еще «Мишку косолапого»...

И в это время раздался звонок в дверь.

– Открой, Василиса, это, наверное, соседка Дарья Степановна, – простонал дядя Вася. – Она обещала сырого мяса

принести, к синяку приложить. Сырое мясо очень хорошо от синяков...

При этих словах Бонни поднял голову и оживленно взвыл. Я давно подозревала, что он понимает человеческую речь – во всяком случае, все, что касается еды.

Я распахнула дверь, не спрашивая, кого это принесло.

На пороге стояла худенькая девчонка с большими испуганными глазами.

– Вам кого? – удивилась я, на соседку Дарью Степановну она явно не тянула.

– Частного детектива Куликова В. М., – сказала она то-неньким испуганным голоском. – Это ведь здесь? – В доказательство она потрясла рекламной газетой, в которой дядя Вася уже несколько месяцев давал объявление: «Частный детектив решит все ваши проблемы...», что-то в этом роде.

– Да, конечно, – я сложила губы в улыбку профессиональной секретарши, – раздевайтесь и подождите немного, Василий Макарович вас обязательно примет.

Как хорошо, что комнаты у дяди Васи смежные! Я плотно закрыла за собой дверь и шепотом поведала Василию Макаровичу о визите потенциальной клиентки.

Надо сказать, эта клиентка у меня доверия особого не вызвала, но, возможно, первое впечатление обманчиво.

– Ой, лишенько! – запричитал дядя Вася шепотом. – Как же я в таком виде?

– Синяки и ссадины украшают настоящего мужчину! –

Я причесала ему реденеющие волосы и попыталась запудрить фиолетовый кошмар под глазом. Разумеется, ничего не вышло, тут и профессиональный гример бы вспотел!

Пока я рылась в ящике письменного стола, отыскивая темные очки, дядя Вася передел рубашку и даже повязал галстук, который я подарила ему на прошлое Рождество.

Вид в очках был не слишком располагающий.

– Просто какая-то акула империализма, – вздохнул Василий Макарович, – раньше таких на карикатурах изображали.

– Сойдет для сельской местности, – успокоила я его, собирая мимоходом разбросанные вещи и распахивая их по углам.

Самое трудное, однако, было впереди. Требовалось во что бы то ни стало выволочь из комнаты Бонни. Потому что, увидев такое чудо, никакой клиент, даже самый покладистый, не согласится иметь дело с дядей Васей.

Бонни, конечно, очень мне дорог. Больше того, я нахожу его очень красивым. Но на обычных людей его броская внешность действует специфически. Чаще всего прохожие бледнеют, покрываются потом и под любым благовидным предлогом стараются отойти подальше. Или вообще скрыться из глаз.

И разумеется, никакого доверительного разговора с клиентом в присутствии Бонни не получится. Хорошо еще, если зверюга спокойно будет лежать на полу, изредка приоткрывая пасть размером с дорожный саквояж и демонстрируя

внушительные клыки. А если девушка Бонни понравится? В таком случае план первоочередных мероприятий у него разработан заранее.

Для начала он кладет на колени человеку огромную лобастую голову и выпускает солидную порцию слюны. Затем начинает бодаться, требуя, чтобы с ним немедленно играли в подвижные игры. В процессе игры Бонни, разумеется, оглушительно лает, рычит и так машет хвостом, что мало кто способен удержаться на ногах. Девушка, как я заметила, и так не в лучшей форме, так что Бонни нужно спрятать.

Я пинала эту тварь ногами, пробовала тянуть за хвост и уговаривала уйти по-хорошему. Ничего не помогло, пока не вмешался дядя Вася. Он поглядел строго и сказал вполголоса:

– Пошел вон!

И можете представить – Бонни тут же подчинился. Нет, все-таки у меня он совершенно распустился!

Девушка сиротливо жалась в прихожей.

– Проходите, пожалуйста! – сказала я и распахнула дверь.

Василий Макарович сидел за письменным столом, и лампа освещала его лицо с приличной стороны. Правда, при таком освещении были совершенно неуместны темные очки, но пришлось махнуть рукой на такие мелочи.

– Присядьте! – Я кивнула девушке на стул, а сама устроилась поодаль на диване, положив на колени блокнот для записей.

– Слушаю вас! – сказал дядя Вася солидным баритоном.

То есть он только хотел так сказать, на самом деле у него выскочил жиденький тенорок. Но девушка, похоже, не обратила внимания ни на его внешний вид, ни на голос, она сама была очень расстроена – ерзала на стуле, комкала в руках носовой платок и поминутно проводила пальцами по ресницам.

– Ну, рассказывайте смелее, что у вас случилось? – Дядя Вася хотел улыбнуться, но вместо этого вышла жуткая гримаса, как у детской резиновой маски.

Я забеспокоилась, но девушка снова ничего не заметила, она в это время прижала платок к губам и пыталась справиться с подступающими рыданиями.

– У меня украли сумку! – проговорила девушка, после чего дала себе волю и разразилась рыданиями.

Мы переглянулись с Василием Макаровичем, и я едва заметно пожала плечами.

Сумки сейчас режут или вырывают на каждом шагу, все уже привыкли и приспособились. Страшно только, если по голове дадут или ножом пырнут в темной подворотне, а так некоторые сами сумку отдают, добровольно – берите, мол, все, только не трогайте. И это правильно, милиция неустанно разъясняет гражданам, что защищать свое добро – себе дороже обойдется, потом больше денег на лекарства истратишь.

Так что совершенно незачем ей так рыдать. И нет причин

делать из этого происшествия трагедию. Но я тут же опомнилась, внимая строгому взгляду дяди Васи, – мало ли какие у человека могут быть обстоятельства и мало ли что было у нее в сумке?

Я налила девушке стакан воды из пластиковой бутылки и подала ей пачку салфеток.

– Простите... – прошептала она. – Я больше не буду.

– Ничего-ничего... – Дядя Вася сердобольно глядел на потенциальную клиентку и даже сделал попытку встать, чтобы погладить ее по голове или что там еще...

Попытку его я пресекла в корне – если девица увидит вблизи его синяк, не видать нам клиентки как своих ушей. Собственно, я была бы не против, если бы она убралась сейчас восвояси, даже прихватив всю пачку салфеток. Что-то мне подсказывало, что денег с такой клиентки мы получим мелкими семечками, а вот неприятностей огребем – выше крыши.

– Василий Макарович, – официальным голосом спросила я, – может быть, стоит отменить вашу встречу с Подковыровым? Или перенести на завтра?

И пока дядя Вася мучительно раздумывал, кто такой Подковыров, девушка все поняла.

– Простите, – повторила она более твердым голосом, – я отнимаю у вас время. Все в порядке, я готова к разговору.

Далее она довольно связно изложила нам с Василием Макаровичем свою историю.

Ее зовут Маша, Мария Владимировна Галкина. Ей девятнадцать лет, она учится на втором курсе Университета искусств на искусствоведческом отделении. Сегодня утром на занятиях у нее украли сумку, и она очень хотела бы ее вернуть, потому и пришла к нам.

– Хм... – Дядя Вася поглядел на девушку и спросил, есть ли у нее какое-нибудь удостоверение личности – он не может работать вслепую.

Та молча протянула ему паспорт. Все верно, прочитала я через его плечо, Маша Галкина, проживает в городе Санкт-Петербурге на Сиреневом бульваре, дом тридцать три, квартира семнадцать.

– Как и где это произошло? – спросил дядя Вася. – Расскажите подробно.

– Сегодня у нас был практикум по истории архитектуры, – заговорила Маша прерывистым голосом, – ведет его преподаватель Зоренко Геннадий Серафимович. Группа у нас двенадцать человек, и в конце занятий мы все собрались у стола преподавателя, чтобы рассмотреть фотографии и гравюры знаменитых соборов. И вот, я отвлеклась, а когда спохватилась, то сумки уже не было...

– Та-ак... – внушительно протянул Василий Макарович. – И что же было в сумке?

– Какая разница! – Девушка вспыхнула и даже вскочила на ноги. – Я хочу, чтобы вы ее нашли, вот и все.

– Сумка дорогая? – пришла я на помощь своему руково-

дителю. – Какой фирмы?

Девушка обернулась ко мне агрессивно, но я твердым, уверенным взглядом быстро поставила ее на место. Пускай только попробует наврать мне, что сумка ужасно дорогая, ни за что не поверю! Я видела ее куртку – довольно новая, не с рынка, конечно, но и не из бутика. Скромная такая курточка, шапочка к ней самовязаная, джинсы на девушке самые простые, свитерок в резиночку... Обувь тоже не ах, впрочем, на улице сейчас такая слякоть, что просто жалко надевать что-то приличное. Если только не на машине...

Я готова была поклясться новым ошейником Бонни, что эту девушку на машине никто не возит. Перемещается она на общественном транспорте, где, как уже говорилось, сумки лишиться – дело привычное. Так что незачем так рыдать.

Под моим взглядом девушка сникла, как ромашка на ветру. Выяснилось, что сумка была совсем недорогая – большая коричневая торба. В ней лежало много учебников и тетрадок, косметика и кошелек. Денег в кошельке не так много, и пятисот рублей не наберется, но очень жалко документов – студенческий билет, зачетка и пропуск в бассейн, замучаешься восстанавливать.

– Что ж, это понятно, – согласился Василий Макарович, снял темные очки и начал задавать Маше вопросы по существу.

Группа состоит из двенадцати человек плюс преподаватель. Аудитория маленькая, всего три ряда парт по пять

штук в ряду. Еще имеется стол и доска. Два окна с широкими подоконниками. Аудитория очень холодная, там вечно не работает батарея, поэтому окна всегда наглухо законопачены, летом открывается только форточка. Но все равно жуткий сквозняк, дверь все время распахивается, и преподаватели жалуются, что им дует. Так что с началом занятий дверь запирают изнутри. Ключ висит тут же, на гвоздике.

Сегодня все было как обычно. Геннадий Серафимович никогда не опаздывает, занятия начались вовремя, только Маше, которая сидела с краю, пришлось впустить Вадика Воронко.

– Дверь ты после этого закрыть не забыла? – спросил Василий Макарович.

– Нет, я точно помню, что заперла, да она бы сразу открылась иначе...

– Стало быть, твою сумку украл кто-то из своих... – Дядя Вася постучал карандашом по столу. – Никто посторонний в дверь войти не мог...

– Ну да, – упавшим голосом ответила Маша.

– Когда ты сумку видела в последний раз?

– Да все время видела, пока занятия шли! То одно из нее доставала, то другое! То ручку, то тетрадку... А как Геннадий Серафимович позвал к столу, мы все и пошли...

– А чего ж ты сумку с собой не взяла, раз там такие документы ценные? – не утерпела я.

– Она большая, мешала бы... – Маша опустила голову.

Снова мне захотелось пожать плечами – ну сама же растяпа несусветная! Как говорил герой моего любимого фильма – «Смотреть надо за вещами, когда в помещениеходишь!»

– Значит, вы все сгрудились у стола, а кто-то один воспользовался моментом и попер твою сумочку, – уточнил дядя Вася. – Ты когда еехватила?

Выяснилось, что Машахватила сумки, когда почти все уже ушли, в аудиторииосталось трое или четверо студентов. Плюс преподаватель Геннадий Серафимович. Ну, на него Маша не думает, поскольку приличный человек и все время на виду был. А те трое – Звонарев, Силиконов и Каплер, Маша с ними не очень общается. Но сумки при них не было, так что она не стала и вопрос этот поднимать, тем более что они ушли тут же. И Геннадий Серафимович тоже.

Девочки потому так торопились, что после практикума у них занятия в бассейне, и надо прийти пораньше, чтобы успеть переодеться и принять душ. А Маша поискала под партами, заглянула за доску, обшарила подоконники, не нашла ничего, да и поехала домой, благо проездной и ключи от квартиры в кармане куртки оставались. А по дороге на последнюю десятку купила газету и там увидела объявление.

Тут Маша замолчала и уставилась на дядю Васю с самым жалобным видом.

– Хм... – он задумчиво пожевал губами, – дело в том, что мои услуги стоят денег...

– Вы не беспокойтесь, я все оплачу! – заверила его Маша.

Снова мне захотелось в недоумении пожать плечами, я еле сдержалась, зато подняла брови. Никак не укладывалось у меня в голове, к чему поднимать шум из-за дешевой сумки? Деньги платить детективу! Хотя и небольшие, но все же...

Из соседней комнаты слышались возня и шум — это Бонни пытался вырваться на свободу. Пока вполсилы, но долго ему не вытерпеть. Дядя Вася заторопился. Взял с девушки Маши смехотворно малый аванс и заверил, что приложит все силы для успешного раскрытия ее дела. Маша умоляла найти сумку как можно скорее.

— Ну и зачем вы это сделали? — строго спросила я, когда дверь за Машей закрылась и дядя Вася выпустил на свободу Бонни. — Для чего согласились взяться за это сомнительное дело? Ведь ясно же — врет все девчонка!

— Что врет? — всполошился дядя Вася. — Ты хочешь сказать, что у нее вообще никто сумки не крал?

— Да нет... просто она что-то недоговаривает. И не уверяйте меня, что вы этого не заметили.

— Вот ты завтра сходишь в ее Университет искусств и сделаешь прикидку на месте, — кротко сказал дядя Вася. — Мне, сама понимаешь, в таком виде туда соваться нечего. Что касается ее вранья, то по ходу дела все выяснится. А я, сама знаешь, не в том положении, чтобы от клиентов отказываться.

Тут я вспомнила, что тоже сижу без работы, так что капризничать нечего.

– Ладно уж, схожу в университет, погляжу на людей искусства, – согласилась я, – только вы с утра с Бонни погуляйте...

– Само собой...

Анна Сергеевна Галкина вышла из своего офиса. Обычно двери гостеприимно раздвигались перед каждым посетителем, как на вход, так и на выход, сейчас же, по причине позднего времени, автоматические двери заблокированы и открыта только небольшая дверка для своих, которую дежурный охранник, почтительно проводив Анну Сергеевну, запер изнутри на ключ.

На улице было темно и тихо, на стоянке оставалась только персональная машина Анны Сергеевны, водитель, предупрежденный заранее, уже заводил мотор.

Против обыкновения, Анна Сергеевна не стала ждать у входа, а прошла несколько шагов до машины. Хотя было холодно и к ночи подморозило, так что небольшая лужица под ногами поблескивала ледком, в воздухе неуловимо веяло весной.

Анна Сергеевна вдохнула полной грудью свежий ночной воздух. Кто-то из классиков утверждает, что весенний воздух пахнет антоновскими яблоками, но Анне Сергеевне были чужды какие-либо романтические настроения, так что ничего особенного она в воздухе не уловила. И все же даже здесь, в огромном городе, природа давала понять, что очень

скоро наступит весна.

Анна Сергеевна взглянула на небо, усыпанное удивительно крупными звездами, и поскользнулась на обледенелой тротуарной плитке. Тотчас подскочил водитель и заботливо поддержал ее за локоть. Жест был скорее символический, так как все в офисе, и водитель в том числе, прекрасно знали, что Анна Сергеевна не та женщина, которая может упасть, поскользнувшись на замерзшей лужице. Она и на ледяном поле не упала бы, проходя по нему на шпильках. Правда, Анна Сергеевна шпильки никогда не носила – предпочитала удобную, устойчивую обувь на среднем каблуке, в такой можно ступать уверенно и солидно, а не легкомысленно и часто семенить. В таких сапогах ее и танком с ног не сбить, подумал водитель. Впрочем, дело вовсе не в сапогах. И не в босоножках.

Водитель предупредительно распахнул перед хозяйкой переднюю дверцу – Анна Сергеевна любила смотреть на дорогу во время езды. Сейчас – в темноте, на пустых безлюдных улицах – это излишне, однако водитель правильно угадал настроение хозяйки, за это она улыбнулась ему благодарно.

Анна Сергеевна откинулась на спинку сиденья и легко вздохнула.

– Устала что-то сегодня! – сказала она без всякой натуги – так, для разговора.

– Отдохнуть надо! – охотно поддержал беседу водитель. –

На море съездить, на песочке полежать... Что все работа да работа – так и жизнь пройдет...

Оставаясь наедине с водителем, Анна Сергеевна разрешала ему такой легкомысленный тон. Она многое ему разрешала.

Вот и сейчас она расстегнула пальто и слегка коснулась руки водителя, лежавшей на руле.

– Сигареты где? – спросила она.

– В бардачке, – ответил водитель, не спеша выруливая со стоянки.

Хозяйка не глядя сунула руку в бардачок, пошарила там, но вместо глянцевой картонной пачки ее пальцы наткнулись на что-то мохнатое и холодное.

– Что это? – Она брезгливо отдернула руку, и на колени ей вывалилось что-то серое, жесткое и отвратительное.

Анну Сергеевну Галкину испугать было непросто, во всяком случае, водитель ни разу в жизни не видел ее не то чтобы испуганной, но даже слегка встревоженной. Сейчас же, уловив в голосе хозяйки малую толику страха, водитель мигом нажал на тормоз, хорошо, что на проспект выехать не успел.

Когда в салоне зажегся свет, Анна Сергеевна ахнула, а водитель выругался забористым матом.

На коленях хозяйки, на дорогом кашемировом пальто лежала крупная дохлая крыса. Водитель четко видел оскаленную морду и растопыренные лапы. Почувствовав дурноту, он дрожащей рукой опустил окно. Из стеклянной светящейся

ся будочки уже торопился к ним охранник – машина встала на проезде.

Анна Сергеевна была не из тех женщин, что при виде безобидной мышки визжат от ужаса и бьются в истерику. Однако, когда в собственной машине тебе на колени внезапно валитсядохлая крыса... это все же перебор.

– Немедленно убери эту гадость! – крикнула хозяйка срывающимся голосом.

Водитель надел перчатки, схватил крысу за длинный грязно-розовый хвост и выбросил прямо под ноги подбежавшему охраннику.

– Ох ты, мать моя дорогая! – выдохнул тот. – Это что ж такое деется? Это что же за дрянь?

– У тебя спросить надо! – зло прошипел водитель. – Что это на стоянке творится, крысы бегают...

– Не знаю... – Охранник растерянно переминался с ноги на ногу. – В соседнем доме ресторан, может, там травили, она и забежала... да тут и сдохла...

Анна Сергеевна вышла из машины и, наклонившись, вытерла руку о подтаявший снежный сугроб.

– Домой! – приказала она одними губами и уселась на заднее сиденье.

Обычно Анна Сергеевна была наблюдательна, но сейчас мерзкий инцидент настолько вывел ее из себя, что она не заметила возле самого выезда со стоянки крупного сутулого мужчину средних лет, с кривым шрамом на левой щеке, ко-

торый проводил ее машину пристальным взглядом.

До самого дома ни Анна Сергеевна, ни водитель не произнесли ни слова.

Как присутствие водопада проявляется еще вдалеке от него ровным нарастающим гулом, а потом – особенной влажной свежестью зелени и искрящимися на листьях каплями, так уже на дальних подступах к институту его приближение чувствовалось по резко помолодевшей уличной толпе и стайкам ярко одетых, оживленно болтающих молодых людей и девушек с портфелями, сумками и рюкзачками.

– Ты не представляешь, с кем он вчера пришел! – донесся до меня обрывок разговора. – С Кошкиной!

– Да ты что! Гонишь!

– У тебя конспект по литературе есть?

– Откуда! Сама ищу...

Наконец впереди показалось украшенное по фасаду дорическими колоннами здание храма науки. Я неторопливо поднялась по гранитным ступеням, вошла в широко открытые двери и оказалась перед стеклянной будочкой вахтерши.

Над будочкой висело грозное предупреждение: «Пропуск предъявлять в открытом виде». Но вахтерша, толстая тетя в вязаной жилетке цветов футбольного клуба «Зенит», увлеченно читала какую-то книгу в ярком переплете, не обращая внимания на многочисленных студентов и преподавателей, которые сновали взад-вперед мимо ее будки, даже и не ду-

мая предъявлять пропуска.

Я приблизилась к ее аквариуму и остановилась.

Книга, которую читала вахтерша, оказалась новым романом Марии Мымриной. Я прочла название, напечатанное кроваво-красными буквами, и невольно содрогнулась – «Съеденные на завтрак». Однако это оказался не хоррор, как я сначала подумала. На обратной стороне обложки более мелким шрифтом сообщалось, что книга посвящена производству овсяных хлопьев и прочих сухих завтраков.

Судя по тому, как увлеченно читала вахтерша, роман был интересный.

Я вежливо откашлялась, чтобы привлечь к себе ее внимание. Тетя невозмутимо перевернула страницу и продолжила читать.

Тогда я постучала в стекло костяшками пальцев.

Это произвело некоторый эффект: вахтерша встрепенулась, нацепила на нос очки, отложила книгу и гаркнула:

– Пропуск!

– А как мне найти деканат? – спросила я самым беспомощным голосом.

– Пропуск! – повторила тетка, каменея лицом. – В развернутом виде! Читать умеешь?

– Я на работу хочу устроиться, – завела я обычную песню. – У меня пропуска пока нет... А где у вас деканат?

– Без пропуска нельзя, – отрезала она и снова взялась за книгу, давая мне понять, что разговор окончен.

– Интересная книга? – осведомилась я, пытаюсь завязать с вахтершей более доверительные отношения.

– Я читаю не для интереса! – строго ответила тетка, взглянув на меня поверх очков.

– А для чего же тогда? – спросила я в искреннем недоумении.

– Для повышения уровня!

Оглядев будочку вахтерши в поисках какого-нибудь предмета для дальнейшего разговора, я заметила выставленные вдоль передней стенки аквариума открытые зачетки и студенческие билеты, видимо ожидающие здесь своих рассеянных владельцев.

– Это что – столько документов теряют? – удивилась я. – До чего же все-таки студенты разгильдяи!

– Зачем теряют? – Вахтерша придвинулась к окошку и понизила голос. – Сумки у девчонок воруют! Наркоманы или еще кто... сумку украдут, деньги из нее вытащат, а документы мне подбросят... им же это без надобности. Ну, я тутставляю – кто свою зачетку найдет, кто билет студенческий...

Я насторожилась: если весь институт знает, что сюда подбрасывают документы из украденных сумок, почему наша клиентка Маша обратилась к частному детективу, а не к вахтерше? Впрочем, может быть, сюда она уже обращалась?

– А вам документы Маши Галкиной не приносили? – спросила я на всякий случай.

– Не было, – уверенно ответила тетка. – Галкиной не было, точно. Вот Сорокина была, и еще Трескова...

Тут же она насторожилась и подозрительно уставилась на меня:

– А зачем тебе эта Галкина?

Тут к ней подбежала пухленькая девушка в розовом стеганом пальто и затарахтела:

– Тетя Галя, вам мои документы не подбрасывали? Курочкина я... Катя Курочкина... позавчера у меня сумку срезали около третьего корпуса... денег немного было, и сумка старая, а зачетку жалко, в зачетке одни пятерки...

– Вот твоя зачетка, – вахтерша протянула девушке синюю книжечку. – В следующий раз ушами не хлопай...

Пока растроганная Курочкина благодарила вахтершу, я проскользнула мимо ее будочки и скрылась в длинном институтском коридоре.

Спросив дорогу у какого-то благообразного старичка, я нашла деканат и возле него – щит с расписанием, из которого узнала, что группа Маши Галкиной должна сейчас находиться в двести сороковой аудитории, где им читают историю религии. Но прежде всего я решила обследовать место преступления, то есть двести восьмую аудиторию, именно там у Маши-растеряши Галкиной увели сумку.

Аудитория оказалась открыта, там никого не было. Я остановилась на пороге и огляделась. Как учил дядя Вася, первое впечатление иногда бывает самое верное, им нельзя прене-

бегать. Потом глаз может замылиться и не заметить мелочей.

Я увидела небольшую комнату, три ряда парт, далеко не новых, доску и стол преподавателя. Окна были большие, почти до полу, очень грязные и без занавесок. Все понятно, сквозь такое стекло и так свет едва проходит. А мыть невозможно, поскольку они навсегда заклеены. Хоть бы студентов на субботник собрали, чтобы навели порядок в родном вузе... Подоконники, широкие и пыльные, не мыли, наверное, недели две, если не больше. Уборщица в этом университете явно не перетруждается. Вместо нормальных форточек наверху открывались фрамуги.

Я вспомнила Машины слова о том, что открываются форточки только летом, в жару. Очевидно, выбирают самого высокого парня на курсе, он забирается на подоконник и держит за ручку.

Сей факт мне на руку, поскольку ясно, что выбросить сумку в окно никак не могли. Потому что я все же никак не могла отделаться от некоторого недоумения.

Сумка – это ведь не кошелек, его спрятал в карман и убежал. Сумка у Маши была большая, чтобы все тетрадки и учебники помещались, меньше портфеля, конечно, но достаточных размеров. Каким же образом ворюга ее вынес из аудитории? Ну конечно, все толпились возле преподавателя, но не ослепли же они в самом деле!

– Вы не меня ждете? – раздался голос от двери.

Я оглянулась и оторопела. В аудиторию вошел такой красавец, что глазам стало больно. Длинные волосы, небольшая аккуратная борода, темные горящие глаза озаряют окружающих неземным светом... – Иисус Христос, да и только!

Одет был сей библейский персонаж в свободную блузу, какие носят художники, только у них она заляпана краской.

– А вы...

– Зоренко Геннадий Серафимович, к вашим услугам, – он белозубо улыбнулся. – Какое у вас дело?

Да, понятно теперь, что после занятий все студентки сгруппировались у стола преподавателя, никак не могли с ним расстаться!

– Простите, – я сделала вид, что смутилась, – у меня никакого дела нету, просто много слышала о вас от своей подруги.

– Надеюсь, только хорошее? – Он подошел ближе и заглянул мне прямо в душу своими удивительными глазами, из чего я сделала вывод, что Геннадий Серафимович прекрасно знает о том впечатлении, которое производит на молоденьких студенток. Но я-то уже давно вышла из этого возраста!

Вы спросите, для чего мне понадобилось с ним кокетничать? Потому что на плече у господина Зоренко висела огромная полотняная торба. В такую не то что сумку, свежего покойника упрятать можно!

Тьфу, типун мне на язык, покойника нам тут еще не хватало!

Геннадий Серафимович открыл торбу и достал оттуда альбом с репродукциями, большую папку с гравюрами и еще какие-то тетрадки. Вещей в торбе не убавилось.

– Все мое ношу с собой! – усмехнулся он, перехватив мой заинтересованный взгляд.

Надо думать, мои подозрения беспочвенны, подумала я, ведь говорила же Маша, что Геннадий Серафимович все время сидел, окруженный студентами, и сумку взять никак не мог. Впрочем, Маша много чего говорила. А еще больше недоговаривала. Это мы проясним вскорости.

– Не буду вам мешать! – Я с сожалением оторвалась от созерцания неземных глаз господина Зоренко. – Всего хорошего!

– А могу я узнать, как вас зовут? – Он подался ко мне, стремясь удержать, но задел папку, и рисунки высыпались на пол. Там были фрагменты старых зданий, замков и крепостей. Пока Геннадий Серафимович их собирал, я улизнула.

На лестничной площадке я погляделось в большое зеркало. Откровенно говоря, ничего особенного. Собираясь на разведку, я оделась нарочито скромно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Волосы тоже заколола почти гладко, глаза едва подвела. Так что вовсе незачем было господину Зоренко проявлять ко мне повышенный интерес. Не в том я виде, чтобы такой импозантный мужчина не хотел меня отпускать. И это в институте, где полно хорошеньких молоденьких студенток, которые влюблены в него если не все, то

через одну! Может, он просто самый обычный бабник, который не пропускает ни одной юбки? Да бог с ним совсем...

Я поднялась на второй этаж и нашла двести сороковую аудиторию.

Дверь аудитории была закрыта – видимо, лекция еще не закончилась.

Стараясь не скрипеть, я приоткрыла дверь и проскользнула в помещение.

Как обычно в институтских аудиториях, скамьи располагались амфитеатром, спускаясь к столу преподавателя.

Лектор, крупный представительный мужчина лет пятидесяти с роскошной седой гривой, не сидел за столом. Он метался по сцене, как ярмарочный зазывала, размахивая руками, и вещал хорошо поставленным голосом:

– В этом диком мире, лишенном порядка и цивилизации, в мире, где все воевали со всеми и на каждом шагу путнику грозили грабители и разбойники, только монастыри были оплотом цивилизации и культуры! Только монастыри могли обеспечить сохранность произведений культуры и искусства!

В первых рядах сидели явные отличницы, не спуская глаз с преподавателя и ловя каждое его слово. Разумеется, они его не только слушали, но и записывали, причем некоторые, как я заметила, под копирку – для себя и «для того парня».

На задних рядах все занимались своими делами – одна

девушка вдумчиво красила ногти, другая писала эсэмэску, двое лохматых парней играли в шахматы, поставив на скамью между собой маленькую доску.

Я пригляделась к Машиным однокашникам, и первое, на что обратила внимание, – в основном все студенты и особенно студентки были очень хорошо одеты и явно не бедны. На скамейках небрежно валялись дорогие куртки и пальто, даже несколько норковых шубок. И сумки у них были такие, какие мне самой и не снились, – две или три настоящие Luis Vuitton, причем не китайская подделка, а самый что ни на есть оригинал, уж поверьте мне, одна от Gucci, одна от Chanel...

И вот что я подумала: почему при таком богатом выборе неизвестный воришка польстился на скромную Машину сумку, а не взял одну из этих дорогуших?

Возможно, потому, что Машина сумка удобнее лежала, попала, так сказать, под руку...

Возможно, но все же некоторые сомнения у меня остались. Не все укладывалось в эту версию.

– И только в монастырях, – доносился до последних рядов рокочущий голос лектора, – только в монастырях развивалась наука – астрономия, химия, медицина...

– Шах и мат! – радостно завопил один из шахматистов.

– Что там происходит? – рассвирепел лектор. – Молодые люди, я вам не мешаю?

– Викентий Константинович! – бросилась на помощь од-

нокашникам одна из отличниц. – Я не успела записать, какие науки развивались в монастырях, – алхимия, астрология, а еще какая?

– Как вы меня слушали, Филимонова?! – возмущенно зарокотал преподаватель. – Удивляюсь на вас! Вы такая серьезная, ответственная студентка и так невнимательны! Алхимия и астрология не имеют никакого отношения к науке! Это лженауки, которые пробиваются рядом с подлинно научными знаниями, как сорняки рядом с лекарственными травами и злаками! Разумеется, в монастырях им не было места... там, как я вам уже сказал, развивались химия, астрономия, медицина, а также история, математика и другие науки... Выдающийся средневековый ученый Николай Кузанский был архиепископом, великий Роджер Бэкон был монахом-францисканцем...

– Извините, Геннадий Константинович! – пролепетала отличница с виноватым видом. – Наверное, я неправильно слышала... мне показалось, вы сказали...

Лектор хотел ей что-то возразить, но в эту самую секунду раздался звонок, извещающий о завершении занятия. Студенты повскакали с мест, зашумели и потянулись к выходу. Я заметила среди них нашу клиентку и окликнула ее:

– Маш, стой, поговорить надо!

Увидев меня, она переменилась в лице, испуганно огляделась. Рядом с ней шла довольно эффектная девица в красном пальто, с рассыпанными по плечам темными волосами.

– Лен, ты иди! – обратилась к ней Маша. – У меня тут кое-какие дела...

Брюнетка пожала плечами, выразительно хмыкнула и удалилась из аудитории.

– Зачем вы... ты... зачем ты пришла сюда? – проговорила Маша вполголоса, подойдя ко мне.

– Вот интересно! – Я оглядела ее с ног до головы. – Как же ты хочешь, чтобы я нашла твою сумку, не побывав на месте... преступления? Я, между прочим, работаю над твоим делом!

– Тсс! – она прижала палец к губам, завертела головой. – Я не хочу, чтобы пошли разговоры...

– Ну, пойдем в какое-нибудь местечко, где можно спокойно поговорить! – смиловилась я. – Есть тут поблизости какое-нибудь кафе или бистро?..

– Конечно! – Маша заторопилась, вышла из помещения и вскоре привела меня в небольшую кофейню, расположенную здесь же, в институтском здании.

Мы взяли по чашке кофе и устроились в уголке зала.

– Вот что, подруга, – негромко проговорила я, как только мы сели за стол, – колись.

– В каком смысле? – испуганно пролепетала Маша.

– В самом прямом. Признавайся честно, в чем дело с твоей сумкой. Как же мы с Василием Макаровичем найдем, если ты не говоришь нам правду?

– С чего ты это взяла? – лепетала она, пряча глаза. – Я вам

сказала правду...

Тут уж я окончательно убедилась, что она темнит. Это было у нее прямо на лице написано.

– Я тебе объясню, – начала я, сверля ее пристальным взглядом, который долго отрабатывала перед зеркалом. – У вас здесь часто воруют сумки, это я уже выяснила...

– Ну да!.. Вот и у меня украли...

– Подожди, не перебивай. Ты сама сказала, что ничего особенно ценного у тебя в сумке не было, только документы. А как раз документы из украденных сумок подбрасывают вахтерше тете Гале. У нее там целый склад скопился зачетов и студенческих билетов. Так что никому из студентов не приходит в голову обращаться к частным детективам, все просто идут к тете Гале. Это и проще и дешевле – подарить ей коробку конфет, и дело с концом!..

– Я у нее уже спрашивала... – отозвалась Маша, опустив глаза. При этом вид у нее был самый подозрительный.

– Нет, не убедила! Ты – девушка небогатая, так?

– Ну, так... – признала она очевидное.

– А наши услуги стоят не так уж дешево, хотя и дешевле, чем у других агентств... Нет, подруга, ты нам сказала, может быть, и правду, но уж точно не всю!..

Она потерянно молчала, и я предприняла еще одну попытку расколоть девчонку:

– Опять же, я посмотрела сегодня на твоих приятелей, с кем вы вместе грызете гранит науки и искусства, и убедил-

лась, что у них полно сумок, гораздо более привлекательных для вора, чем твоя. Одна сумка от Luis Vuitton стоит не меньше двадцати тысяч. И денег в ней явно больше, чем в твоей... так что у тебя концы с концами явно не сходятся! Если ты хочешь, чтобы мы нашли твою сумку, – говори правду! Иначе мы тебе ничем не сможем помочь!..

Маша, конечно, возразила бы, что за дорогими сумками и следят внимательнее, но, видно, воля к сопротивлению уже подошла к концу, и она сдалась:

– Ну да, ну да! Я не все сказала... в этой сумке была одна дорогая вещь...

Она снова замолчала, и мне пришлось ее поторопить:

– Ну, уж если начала – продолжай, а то мы только впустую тратим время. Которое, между прочим, ты оплачиваешь!

Она вздохнула и продолжила:

– Там был кулон. Очень дорогой и красивый. И самое главное – чужой... мне его непременно нужно к следующим выходным вернуть! Непременно...

– Уже лучше! – оживилась я. – Кулон – это что-то конкретное, а то – сумка, документы! Кому они нужны-то...

Маша надолго замерла, уставившись в пустую чашку из-под кофе, словно собралась гадать на кофейной гуще. Нет, определенно, слова из этой тетехи приходилось вытягивать клещами!

– Ты пирожные любишь? – решила я сменить тему.

– Я сладкого не ем! – Она отшатнулась от меня так резко,

что едва не уронила стул. – Я на диете...

– Болееешь, что ли, чем? – любопытствовала я – так, для разговора.

– Нет, просто стараюсь сохранить фигуру...

Фигуру... Я оглядела ее всю, с ног до головы – худущая, бледная, «краше в гроб кладут», как говорила моя бабушка. Ручки-ножки тоненькие... «Были бы кости, а мясо нарастет» – эта фраза тоже из бабушкиного репертуара, однако в Машинном случае и косточки какие-то ненадежные.

– Ты посиди пока тут, только не убегай, все равно найду! – пообещала я строго.

Маша и сама поняла, что ей никуда от меня не деться, и покорилась судьбе, только в глазах ее блеснули слезы. Но я не стала поддаваться неуместной жалости. В конце концов, она сама к нам обратилась, а всякая инициатива, как известно, наказуема!

За стойкой стояла симпатичная тетенька в белой крахмальной наkolке. Она улыбнулась мне и указала на стеклянный прилавок. Для Маши я выбрала булочку с маком и горячий бутерброд с ветчиной и сыром. Для себя – один бутерброд, потом махнула рукой и, поддавшись на уговоры буфетчицы, попросила еще шоколадную конфету с орехами.

Вернувшись за столик, я застала там колоритную компанию. Трое парней самого удивительного вида стояли над Машей и оживленно переговаривались. Один был высокий, как жердь, руки его, непропорциональной длины, висели едва ли

не до колен. Именно висели, а когда он двигался, то свободно болтались, как у тряпичной куклы. Половину его лица закрывали длинные и жидкие волосы тускло-серого цвета. Второй был пониже ростом и вовсе лысый. Или, скорее, бритый наголо, зато на подбородке виднелась борода самца гнусного вида, а в ухе – массивная серебряная серьга. На нем красовались джинсы, разорванные в самых различных местах, и куцый джемперок с вытянутыми локтями. Третий был маленький и вертлявый, пышные черные волосы вились кольцами, он прихватывал их резинкой. На нем болталась какая-то бесформенная хламида, до того пестрая, что у меня зарябило в глазах.

– Галкина, ты чего тут сидишь? – говорил лысый, нависая над Машей. – Кофеем надираешься? А на лекцию кто за тебя пойдет?

– Малкина у нас и так умная, Гоголя с Гегелем не путает, – усмехнулся высокий. – Ей лекции ни к чему.

В общем, шел обычный студенческий треп, и совершенно незачем было Маше бледнеть и ерзать на стуле.

– Ребята, идите, я занята, – дрожащим голосом проговорила она, но на троих прохиндеев это не произвело никакого впечатления.

– Палкина занята? – весело изумился чернявый. – И чем это, интересно знать? Какие-такие у нее дела?

Маша сделала попытку встать и оглянулась на меня. Тут же высокий нажал ей на плечи и насильно усадил на стул.

Лысый перехватил ее взгляд и воззрился на меня.

– О, ребята! – заорал он в полном восторге. – Я понял! У Чалкиной завелся сердечный друг – вот эта вот тетя! Галкина, да ты лесбиянка? Не бойся, мы никому не скажем!

– Силиконов, прекрати! – закричала Маша на грани истерики. – Как ты можешь?

Я поняла, что передо мной стояла неразлучная троица – Звонарев, Силиконов и Каплер – те трое парней, которые остались последние в аудитории вчера, когда у Маши украли сумку. Понятно теперь, почему Маша ничего им не сказала, все равно ничем не помогли бы, а только гадостей наговорили.

– Уж извините, что нарушили ваше уединение! – глумливо расшаркался чернявый. – Что ж ты, Палкина, нас с дружкой не познакомишь? Не чужие все-таки...

– Вот именно! – Лысый ловко ввинтился между нами и схватил с тарелки булочку с маком.

Я оторопела от такой наглости, а этот паразит откусил едва ли не половину и положил булку снова на тарелку.

Я, конечно, девушка не то чтобы скромная, но неконфликтная. Сама на скандал нарываться никогда не стану, а если меня обругают, к примеру в общественном транспорте, предпочитаю лишний раз промолчать. И в семейной жизни вечно я своему муженьку уступала. За что и получила. Но сейчас я находилась на работе, и это придавало мне решимости. Кроме того, дядя Вася в доступной форме объяснил

мне, что профессия частного детектива довольно опасная, и показал несколько простых способов, как можно постоять за себя.

Я поставила тарелку на стол, и через наши головы к ней тут же потянулся самый высокий из парней. Своей длинной клешней он нацелился на мою конфету. Но не тут-то было. Я довольно чувствительно ударила его по руке и тут же всем весом наступила ему на ногу. Парень охнул и отскочил от стола, ему стало не до конфеты.

– Теперь с тобой, – сказала я лысому, пренебрежительно окидывая взглядом его драные джинсы. – Не холодно? Яйца не отморозишь? Или они тебе не нужны? – Я указала глазами на серьгу в его ухе.

Где там носят эти голубые серьгу, в каком ухе, в левом или правом, мне без разницы, права я была или не права насчет лысого, но он, кажется, обиделся. Во всяком случае, очень удивился – похоже, впервые получил отпор.

– А теперь, козлы, срочно отвалите от нее как можно дальше! – сурово сказала я. – Ты, голодный, булочку можешь доесть, если уж совсем обнищал, я Маше еще куплю.

– Ребята, – очнулся чернявый, – что она себе позволяет? Быстрым движением я схватила его за волосы и дернула изо всех сил. Волосы выдержали – крепкие, густые, зато у парня чуть искры из глаз не посыпались.

– А тебя, гаденыш, отдельно предупреждаю, – прошипела я, – чтобы близко возле Маши не видела. Иначе будешь

иметь дело со мной! Понял или повторить еще раз?

Напоследок я еще сильнее дернула его за волосы.

– Девочки, ваши бутерброды готовы! – крикнула буфетчица от стойки. – А для тебя, Силиконов, у меня вчерашние булочки есть, так и быть, даром отдам, если ты такой голодный!

Оказывается, она все слышала. И подмигнула мне, подавая горячие бутерброды.

– Чего они к тебе прицепились? – поинтересовалась я, когда вся компания позорно ретировалась.

Маша молча пожала плечами.

– Ты что, подальше послать их не могла?

– У нас так не принято... – прошелестела она.

– Чего? – Я едва не подавилась ветчиной. – Не принято подонков на место ставить?

– Они не подонки, а интеллектуалы, – высказалась Маша, – у них свой образ мыслей. Этот Силиконов – вообще гений, он такую работу написал о влиянии иранской миниатюры на развитие русской иконописи, что все ахнули!

– Не знаю, может, он и гений, – в сомнении ответила я, – но по поведению полный урод и хам. Видят, что ты, как треска вареная, не можешь их отшить, они и лезут.

Маша молчала, подавленно глядя в тарелку.

– Ладно, – опомнилась я, – мы от темы отвлеклись. Давай-ка ты мне подробенько расскажешь о своем кулоне, как он выглядел и, самое главное, откуда он у тебя взялся.

Понадобилось впихнуть в нее бутерброд и мою шоколадную конфету, чтобы у этой несчастной появились силы для рассказа.

Маша Галкина жила вместе с матерью, отца у нее никогда не было. Откровенно говоря, в детстве она и маму не помнит – та всегда работала, возвращалась домой очень поздно. Машу воспитывала бабушка, но не родная, а двоюродная, мамина тетка. Тетка эта жила отдельно, но приезжала каждый день, если Маша болела или в садике был карантин. В остальное время Маша допоздна сидела в садике, в полутемной комнате – в группе гасили свет для экономии электричества. Дежурная воспитательница сердилась на Машину маму, что та приходит позже всех, но высказать ей свои претензии боялась – мама могла так отбрить, что закачаешься, да еще и директорисе пожаловаться.

С мамой вообще люди старались как можно меньше общаться – их отпугивал ее колючий взгляд и суровое выражение лица.

Вечерами мама с Машей почти не разговаривали – мама раз и навсегда объяснила дочери, что она много и тяжело работает, дома ей нужно хоть немного отдохнуть, и чтобы Маша не лезла к ней со всякой ерундой.

Так что Маша с малых лет привыкла занимать себя сама. Она вообще росла тихой, послушной девочкой, робкой и незаметной.

Однако лет в пять все же поинтересовалась, где ее папа и почему она его никогда не видела. Вопрос этот она решилась задать бабушке. Та расстроилась, погладила ее по голове и купила внеочередное мороженое. Но Маша не отставала, тогда бабушка посоветовала ей обратиться к маме.

– Что я, крайняя, в самом деле! – говорила бабушка по телефону своей близкой подруге тете Вале. – Сама напортачила, сама пускай и отдувается! А я тут при чем, как я ребенка все объясню?

Маша тогда не поняла, что значит «напортачить», но вечером за ужином выпалила, дивясь собственной смелости:

– Где мой папа?

Мама вздрогнула и выронила вилку. И долго искала ее под столом. А когда снова села на стул, то взгляд был такой же, как всегда, – холодный и колючий.

– У тебя его нет! – отрезала мать и налила себе чаю.

– Так не бывает! – Маша вспомнила, как в садике Танька Соловьева стремглав несется к синей машине, откуда машет ей светловолосый кудрявый дядя, как другой дядя, постарше, с седыми висками, ждет Димку Крутикова и при встрече подбрасывает его высоко в воздух. Даже у толстого картавого Кольки Голубца есть папа – маленький, кривоногий, от которого противно пахнет, а воспитательница ругается и говорит, чтобы не приходил за ребенком пьяный.

– Так не бывает, – повторила Маша, как могла твердо, – у всех детей есть папа.

– Он с нами не живет, – мама говорила, почти не разжимая губ.

– Почему? – Маша уже перестала удивляться своей смелости.

– Потому что он нас бросил! – Мама повысила голос. – Он нам не нужен, мы прекрасно проживем и без него! И чтобы больше я не слышала от тебя никаких разговоров на эту тему!

Когда мама повышает голос, лучше с ней не спорить, эту истину Маша усвоила с пеленок. Ужин закончился в полном молчании, Маша даже, давась, доела ненавистные резиновые сосиски.

У бабушки все было очень вкусно, она пекла румяные пироги с капустой, жарила замечательные блинчики с яблоками, Маше очень нравилось заворачивать их аккуратными треугольничками. Иногда они с бабушкой вместе пекли песочное печенье – бабушка раскатывала тесто, а Маша формочками вырезала из него различные фигурки. Еще ей очень нравились слоеные пирожки с мясом – крошечные, на один укус, смеялась бабушка.

Дома же вечно были сосиски, даже в выходной, мама повторяла, что ей некогда готовить для Маши разносолы.

О папе они больше не говорили, но Маша много про него думала. И сумела вызвать в душе одно воспоминание: сильные мужские руки поднимают ее в воздух, она прижимается к слегка колючей щеке, а земля где-то далеко внизу.

Возможно, это и был папа? И что значит – бросил? Взял на руки и бросил вниз? Маша такого не помнит, хотя, если падать с такой высоты, было бы больно. Вон позавчера она споткнулась и расшибла коленку, мама еще очень рассердилась, потому что пришлось возвращаться, чтобы переодеть рейтузы, так коленка болит до сих пор...

Маша больше не смела задавать вопросы про папу, но мама сама нет-нет да и напоминала ей, что папа Машу бросил и не хочет ее знать. К тому времени уже в школе Маша узнала, что бывают семьи, где родители расходятся, но папа хотя бы раз в месяц встречается с ребенком и дарит ему подарки. Или даже берет с собой в отпуск.

У Маши было все самое необходимое, раз в полгода мама брала ее в магазин и покупала все, что нужно, особенно не выбирая. А желанные подарки всегда приносила бабушка. Мама только поднимала брови, видя обновки и игры, но ничего не говорила, ей было некогда. Отдыхать Маша с бабушкой ездили в дом отдыха под Зеленогорском. Свой отпуск – не больше десяти дней – мама проводила в санатории без Маши.

Маша привыкла к такой жизни, она любила бабушку, которая баловала внуку, как могла, обращалась с ней ласково. Они много гуляли по лесу, бабушка рассказывала Маше про каждое дерево и про каждый цветочек, названия были какие-то забавные – «венерин башмачок», «разрыв-трава», «болиголов», «зверобой»...

Как отдыхать с мамой, Маша понятия не имела. В те короткие часы, что они проводили вместе дома, мама вечно выглядела хмурой и озабоченной, часто разговаривала по телефону отрывистыми фразами и допоздна просматривала какие-то бумаги. Маша своим детским умом понимала ясно, что там, в лесу, среди деревьев и трав мама была бы неуместна. Там люди гуляют расслабленно, с улыбкой на лице вдыхают воздух, напоенный ароматом нагретой сосны. Или присаживаются на бревнышке, подставив лица неяркому лесному солнышку. Маша не представляла свою мать в простом летнем платье в цветочек, она привыкла видеть ее всегда в деловом костюме.

Об отце Маша не вспоминала, не было в ее жизни такого понятия. К тому же мама так часто твердила, что Маша была не нужна ему с самого начала, что девочка наконец уверилась, что мать права.

Скандал разразился, когда Маше было тринадцать лет. Маме на работу позвонила какая-то женщина, представилась женой ее бывшего мужа и очень просила, чтобы мама брала с ее мужа поменьше денег – дескать, у них трудное финансовое положение, она сейчас не работает, а у нее, матери, деньги и так есть, она зарабатывает гораздо больше, чем отец ее дочери.

Неизвестно, что ответила ей Машина мама – возможно, стала отнекиваться и объяснять, что денег с Машиного отца она никогда не брала, возможно, грубо обругала – она это

умела. А скорее всего, просто повесила трубку. И поехала к бабушке, потому все происходило во время весенних каникул, и Маша жила там. Мама приехала днем, уйдя с работы, что было делом неслыханным.

Ух как она кричала! Оказывается, бабушка все это время поддерживала связь с Машиным отцом, рассказывала о Машиней жизни, показывала фотографии, брала у него деньги, на которые покупала Маше одежду и подарки вроде бы от себя. Бабушка пыталась оправдываться – она ничего плохого не делала, копейки из тех денег себе не взяла, ребенку пыталась жизнь облегчить...

Мать была в такой ярости, что Маше хотелось спрятаться в шкаф, чтобы не видеть малинового лица и капель пота, стекающих по подбородку на воротник очередного делового костюма. Или закрыть глаза и очутиться далеко-далеко от этой комнаты, которую Маша так любила, от воплей матери, ее колючего ненавидящего взгляда, ее ранящих слов.

Бабушка внезапно махнула рукой и села на диван, напряженно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Чтобы я тебя больше возле ребенка не видела! – отчеканила мать холодным голосом, внезапно успокоившись. – Не смей даже звонить! Знать тебя не желаю!

Бабушка ничего не ответила, она сидела бледная, и губы ее дрожали.

Мама схватила Машу за руку и ушла. Всю дорогу они молчали, Маша боялась сказать хоть слово. Дома мать собрала

все подарки, что Маша получала от бабушки за много лет и выбросила их в мусоропровод. Маша снова не посмела перечесть.

— Чтобы больше не смела ходить к этой... к этой... — мать сделала над собой явственное усилие, чтобы не сорвалось бранное слово.

«Как они мне все надоели! — думала Маша, лежа ночью без сна. — Все время врут, уже невозможно понять, как же все обстоит на самом деле. Был ли он вообще — мой неизвестный папа? Если он есть и живет в нашем городе, отчего бабушка никогда о нем не говорила? Тоже врал...»

После того случая мама накупила Маше всевозможных тряпок, а также плеер, компьютер и еще многое другое. Теперь она никогда не отказывала Маше в деньгах, только просила сказать, на что они нужны. Деньги у мамы водились, она отлично зарабатывала, они поменяли квартиру, купили новую мебель, плазменный телевизор и музыкальный центр. Машина маме не требовалась, теперь каждое утро у подъезда ее ожидала служебная «Ауди» с водителем — солидным немногословным Михаилом Петровичем. Мама работала главным бухгалтером крупной торговой фирмы и буквально пропадала на службе. Но Маша не была предоставлена самой себе, мама нашла женщину, которая убирала квартиру, готовила и даже встречала иногда Машу, когда она возвращалась домой после художественной школы.

Это тоже было новшеством. Маша с детства хорошо ри-

совала – привыкла проводить долгие часы одна с альбомом и красками. Поначалу мама и слышать не хотела о рисовании – баловство это, несерьезное занятие, но после разрыва с бабушкой вдруг уступила.

Летом мама отправляла теперь Машу на теплое море – в Болгарию или в Турцию, на зимние каникулы – в Европу. Маша повидала много красивых городов, жизнь вообще повернулась к ней яркой стороной. А про бабушку она забыла. Просто все, связанное с бабушкой, вылетело у нее из головы.

– Простить себе не могу, что была такой скотиной. – Маша отпила остывший кофе и поморщилась, – просто наваждение какое-то на меня нашло, как будто одурманили...

– Ты давай покороче, к кулону переходи, – посоветовала я, поглядев на часы – как бы не опоздать...

Прошло два или три года, продолжала Маша, и как-то в доме раздался звонок. Звонила бабушкина старинная и очень близкая подруга тетя Валя. Ни о чем не спрашивая, она сухо сообщила, что бабушка очень больна и хочет видеть Машу. И пускай Маша поторопится, потому что промедление смерти подобно.

Маша прижала к груди плакающую трубку и села в прихожей прямо на пол, стараясь унять колотящееся сердце.

– Ты чего, Маш? – выглянула в прихожую домработница Дарья Ивановна. – Кто звонил-то?

– Да так... – выговорила непослушными губами Маша, – мальчишки из школы.

Дарья Ивановна скрылась на кухне, она в дела хозяев никогда не вмешивалась, у нее своих забот хватало. Зять с дочкой все время ссорились, раза два в неделю крупно скандалили и даже били посуду. Дарья Ивановна отдыхала в тишине Машиной квартиры от криков, жалоб соседей и визитов участкового.

Маша полетела к бабушке и застала ту – слабую, страшно похудевшую, с седым ежиком волос на трясущейся голове. Она долго плакала, стоя на коленях возле кровати, а бабушка гладила ее по голове и шептала, что все пройдет, а сейчас Маше нужно успокоиться, потому что бабушка хочет с ней серьезно поговорить.

– Ты уже взрослая, – сказала бабушка, – паспорт получила. Пора и тебе все узнать, сама потом будешь решать, кто – прав, а кто – нет.

Она рассказала, что Машины родители поженились молодыми и знакомы-то были недолго. Поэтому и не успел Володя как следует свою невесту узнать. А у нее характер такой, что ни замуж выходить, ни детей рожать ей вообще не следовало. Работа у нее ответственная, справляется отлично – вот и слава богу, работай себе да радуйся! А семью заводить не стоило, та ей только мешает... Она же не женщина, а калькулятор, отчет бухгалтерский с сухими цифрами. И еще упряма очень, характер твердокаменный. Ничьего мнения не слушает, на чужих ошибках не учится, себя очень высоко ставит, считает непогрешимой. И два цвета только признает –

черный да белый, никаких полутонов. Дорогу – только прямую, никаких там тебе хитроумных поворотов да сглаживания острых углов. Может, при ее работе такой характер и хорош, а уж в семейной жизни... Ни один мужик такую жену долго не вынесет, разве уж совсем завалящий подкаблучник.

Машин отец не такой оказался, он поначалу-то веселый был, ласковый, песни пел, на гитаре играл. Да только как стали они ссориться – да ладно бы еще так, по мелочи, как говорят, милые бранятся – только тешатся. Так нет, у Анны характер тяжелый, уж если поссорится, то ни за что первая к мужу не подойдет. Будет молчать весь вечер, а молчание такое тяжелое, как будто утюг чугунный на темечко положили. Может два дня не разговаривать или редкие слова сквозь зубы цедит. Какой мужик такое одобрит? Вечно себя виноватым чувствовать, когда и грехов-то нету... Мужу ласка требуется, слово душевное, поцеловать да по головке погладить... Ну, а когда дома такого нету, то всегда найдется какая-нибудь, кто поглядит ласково да приголубит сердечно...

В этом месте бабушка закашлялась и долго сидела, откинувшись на подушки, держа Машу за руку, потом заговорила снова.

– В общем, ничего такого и не было с Володей. Ну, завел какую-то девчонку молоденькую, гулял с ней да в подъезде целовался – по тем временам места для встреч трудно найти было. Анне, ясное дело, быстро донесли, она и разбираться не стала: выставила чемодан на лестницу – духу твоего, ска-

зала, чтоб не было, и дочку никогда больше не увидишь, сама проживу и помощи от тебя никогда в жизни не попрошу! Он – ко мне, вот тут на этом диване прямо головой о стенку бился, виноватил себя как мог, а я считаю – не права Анна была тогда. Тебе всего полтора года исполнилось, несправедливо это – ребенка отца лишать. Но Анна сказала – как отрезала. Один раз решила – и на всю жизнь, меня и слушать не стала. А папа твой погоревал, да и уехал в Сибирь деньги зарабатывать. Лет через пять вернулся, зашел ко мне, и решили мы с ним, что все подарки, что он тебе купит, вроде как от меня будут. И подкормлю тебя на его деньги, на мою-то пенсию не больно разъешься. Так и жили. У него другая жена тогда появилась, вроде бы ничего они жили, только детей не народилось, а он хотел. А потом что-то не заладилось у них с женой, и решила она ему напоследок гадость сделать. Володя-то все ей рассказал про то, что Анна с тобой ему видеться не разрешает, ну и про наш договор... Бабы ужас до чего хитрыми бывают, улестит, да все и выведает, когда он расслабится... Она и позвонила Анне, вроде бы по-хорошему, а на самом деле чтобы напакостить мужу перед разводом. Тоже та еще стерва, Володе на жен не везло.

Ну, а что потом было, ты и сама знаешь...

Бабушка задышала тяжело и часто, потирая левую сторону груди.

– Прости меня! – Маша сунулась лицом в старенькую простыню. – Прости! Я не должна была тебя бросать!

– Да что уж теперь... – бабушка слабо улыбнулась, – я ведь знаю, каково тебе с матерью, с ней лучше не спорить... Ты вот что... – слабой рукой она пошарила под подушкой и протянула Маше скомканную бумажку, – вот тут адрес отца твоего и телефон. Если захочешь, сама ему позвони. Ну не сейчас, так потом...

Маша не глядя сунула листок в карман джинсов. Бабушка внезапно побледнела до синевы и схватилась за горло.

– Плохо мне... – прохрипела она, – воздуха нету!

Перепуганная Маша кинулась к телефону. Приехавшая «Скорая» забрала бабушку в больницу, потому что за одинокой старушкой некому было ухаживать дома.

На следующий день Маша пошла в больницу. Для того чтобы у бабушки были сносные условия, требовалось много денег. Маша быстро истратила все, что у нее имелось, залезла в сервант – там лежали деньги, выдаваемые Дарье Ивановне на хозяйство, продала по дешевке плеер и «наладонник». Деньги улетали, как в трубу... Тогда Танька Соловьева согласилась взять за четверть цены новую кожаную куртку, которую мама привезла Маше из Италии.

Бабушка пролежала в больнице всего неделю и умерла ночью, не приходя в сознание. Маша явилась домой в четыре утра, до того она сидела в пустом больничном коридоре, ожидая, что выйдет сестра и скажет, что с бабушкой все кончено. А когда это случилось, Маша побрела домой пешком через весь город, удивительно, что с ней ничего не случилось

глубокой ночью.

А дома в это время разразился жестокий скандал. Мать вздумала требовать отчета у Дарьи Ивановны по поводу хозяйственных денег. Та не стала покрывать Машу – относилась она к девчонке в общем неплохо, но в хозяйские дела предпочитала не вмешиваться. Дарья Ивановна рассказала хозяйке, что Маша продает вещи и где-то пропадает целыми днями. Она была полностью в курсе истории с курткой – Танька Соловьева ничуть не скрывалась, носила дорогую вещь с большим удовольствием и к Маше в ней заходила.

К появлению Маши мать уже полностью уверилась, что дочка связалась с плохой компанией, принимает наркотики и едва ли не грабит прохожих на улице.

Увидев дочь – бледную, трясущуюся от холода, с дикими глазами, мама сочла, что у Маши ломка, и ринулась принимать меры. Не тратя времени на пустые разговоры, она залепила Маше здоровенную пощечину тяжелой рукой. Маша сползла на пол прямо в прихожей и затихла, так что весь гневный монолог матери прошел мимо ее ушей.

Остыв, мать поглядела на Машу более внимательно, да тут еще соседи постучали в стенку, интересуясь, что за крики доносятся из квартиры Галкиных в четыре часа утра. Мама перенесла Машу на диван и, раздевая, обнаружила справку из больницы.

Похороны бабушки мама взяла на себя, то есть заплатила агенту, который и занимался всей организацией. Денег мать

не пожалела, как сказала Маше тетя Валя. Она тоже очень постарела, сгорбилась, ходила с палочкой, в каких-то жутких ортопедических ботинках. Народу было мало – Маша с матерью, две соседки. Всем заправлял агент в черном костюме, с дежурно-скорбным выражением лица.

Маша все эти дни находилась в прострации. Она все делала, как велят, но ничего не чувствовала. И все время молчала.

– Ну и гадина же ты! – тихо сказала тетя Валя маме, после того как все кончилось. – Хотела бы пожелать тебе самого худшего, да вот ради нее не буду! – она указала на Машу.

Мама ничего на это не ответила, только смотрела холодным колючим взглядом. Тетя Валя плюнула на капот черной «Ауди», ожидавшей маму возле ворот кладбища, и пошла прочь, тяжело опираясь на палку. Водитель Михаил Петрович только головой покачал.

Мама взглянула на часы и заторопилась.

Маша перестала ходить в школу, она целыми днями лежала на диване, бездумно глядя в потолок, отказывалась от еды, предлагаемой Дарьей Ивановной, не слушала музыку, не смотрела телевизор – просто молчала, и это молчание наливалось в комнате свинцовой тяжестью, скапливалось в ее душе. Мама приходила поздно, очень усталая и взвинченная: что-то у них там в торговой фирме происходило – не то дела шли хуже, не то, наоборот, фирма расширялась, Маше это было совершенно неинтересно.

Она перестала спать по ночам – просто лежала без сна и напряженно думала. Кто она такая? Нелюбимый, никому не нужный ребенок. Нужна ли она маме? Конечно, нет, в противном случае разве мама вела бы себя с ней так? Всю свою жизнь Маша слышала от мамы только недовольные замечания: «Отстань! Не мешай! Не приставай со своей ерундой! Ты разве не видишь, что мать занята!» Ни разу в жизни мама не сделала дочке никакого подарка без повода, никогда не было в жизни Маши никаких сюрпризов, когда родители заранее готовятся, выясняют, что хотели получить их сын или дочь, покупают это и искренне радуются, глядя, каким восторгом загораются глаза их чада при виде заветного подарка. Маме ничего такого просто не приходило в голову. Есть у Маши все, что нужно, – и ладно.

Раньше была бабушка, она Машу любила, ей доставляло удовольствие Машино общество, но мама сделала так, чтобы теперь не осталось никого, Маша одна, совсем одна в этом мире. И в ночь смерти бабушки, в самую страшную ночь Машиной жизни, мама встретила ее руганью и пощечиной.

Такие мысли посещали Машу каждую ночь, и однажды она нашла в ящике на кухне упаковку димедрола и проглотила все двенадцать штук таблеток, запивая их водой прямо из чайника. Посидела немного, глядя в окно на пустой темный двор, на деревья с голыми черными ветвями, на обледеневшие машины. Скучно... Пусто и одиноко... Все пройдет, сказала бабушка и погладила Машу по голове...

Маша сгорбилась на стуле и надолго затихла.

Когда она снова повернулась к окну, на дереве с оранжевыми ветвями сидел кот. Кот был совершенно зеленый. У кота было шесть лап.

«Так не бывает», – в ослабленном сознании мелькнула последняя здравая мысль, Маша схватила чайник и бросила его на пол.

Мама проснулась от грохота, и Маша, прежде чем окончательно отключиться, успела показать ей пустую упаковку от таблеток.

Она пролежала в больнице больше месяца. Условия там были отличные, доктора и сестры относились к ней ласково – мама не пожалела денег. Маше поставили диагноз – нервный срыв после смерти бабушки, лечили легким успокоительным и разными процедурами. Однако после месяца такого лечения особенных сдвигов не наблюдалось – Маша по-прежнему оставалась в депрессии, мало говорила, мало ела, ничем не интересовалась. Ее показали консультанту – старому профессору с седыми кустистыми бровями. Профессор поглядел на Машу, почитал историю болезни, удалил сестричку из кабинета и сказал Маше, чтобы перестала валять дурака. Хватит мучиться детскими обидами, пора повзрослеть.

– У тебя вся жизнь впереди, а ты хочешь ее начать с психушки? – громко спросил он. – Туда, милая, ты всегда успеешь. Вот еще месяц-другой тут проваляешься, будет поздно школу заканчивать, год пропадет, отстанешь, друзей потеря-

ешь.

– У меня нет друзей! – излишне резко сказала Маша.

– А кто в этом виноват? – не растерялся ее собеседник. – Ты сама отталкиваешь от себя людей, уходишь в себя, как в раковину, и ничем не интересуешься! Девочка, ты должна сама себя преодолеть, тогда все наладится!

После продуктивной беседы с доктором Маша осознала, что ей давно уже надоело тосковать, к тому же пришла весна и захотелось на улицу. Профессор вызвал еще в кабинет маму, и долго оттуда раздавался его сердитый бас. Криком-то маму было не взять, она на своей работе всякого повидала, могла человека одним словом, что называется, по стенке размазать. Профессор, как умел, пытался объяснить маме ее поведение. Объяснить-то он объяснил, и мама кое-что поняла, вот только переделать себя у нее не получилось. Да Маше этого уже и не требовалось.

Они все так же мало разговаривали по вечерам, только теперь это Машу не задевало нисколько. Она быстро догнала сверстников в учебе, сдала выпускные экзамены без троек и решила поступать в Университет искусств на искусствоведческий факультет. Она ждала от мамы резкого отказа – обучение там было платным и, по маминым меркам, совершенно бесполезным. Что это за профессия – искусствовед? Ни денег приличных, ни перспектив... Но мама только пожала плечами и сказала, пускай Маша делает, что хочет.

Она, как всегда, была очень занята своей работой, домой

приходила поздно.

– Девочки, может, еще кофе хотите? – крикнула буфетчица от стойки.

Она вовсе не собиралась нас выгонять, просто ей было скучно. Студенты все куда-то исчезли – очевидно, начались занятия, мы с Машей сидели в кафе совершенно одни.

– Я выпью! – крикнула я. Валандаться с этой тетехой столько сил нужно, кофе меня поддержит. – Слушай, давай уж переходить ближе к делу! – недовольно сказала я.

В самом деле, сижу тут почти час, а что узнала? Понимаю, конечно, девочка расстроена, ей хочется рассказать кому-то от печки всю свою жизнь, очень, кстати, несладкую – при такой-то мамаше. Но за этим идут к психоаналитику. А мне-то платят деньги за результат, а не по часам! И к тому же Бонни дома один, а дядя Вася совершенно извелся небось в машине...

– Извини. – Маша покаянно наклонила голову, – что-то я действительно разболталась...

– Ничего, – оттаяла я, – продолжай уж...

Учиться в университете Маше нравилось. Интересные предметы, замечательные преподаватели, вот Геннадий Сеерафимович, он так много знает и так увлекательно рассказывает!

Глаза ее вспыхнули, даже щеки порозовели. Маша поймала мой внимательный взгляд и тут же опустила глаза в чашку.

Ребята в группе подобрались неплохие, у Маши появи-

лись друзья, и она очень подружилась с Ленкой Симаковой, прямо стала с ней не разлей вода.

На восемнадцатилетие мама подарила Маше поездку в Италию. Маша была рада побывать в стране прекрасных замков, дворцов, мостов и фонтанов. А когда она вернулась, в доме многое изменилось. Мама стала какой-то другой – постриглась, купила новую яркую одежду. Теперь вместо черной «Ауди» ее ждал по утрам у подъезда серебристый «Мерседес». И водитель поменялся – вместо солидного немногословного Михаила Петровича за рулем сидел Виталик – здоровенный мордатый парень с красным лицом и наглым взглядом, которым он обшарил Машу с головы до ног при первой встрече. Машу неприятно поразило, что Виталик, привезя маму домой вечером, никогда сразу не уезжал, а долго ужинал на кухне, а потом пил пиво и смотрел телевизор в гостиной, громко комментируя спортивные передачи.

Вел он себя в доме как хозяин, брал вещи без спроса, заходил в Машину комнату и трогал книги и диски. Дарья Ивановна, видя его на кухне, поджимала губы, но не смела ничего сказать. Ночевать Виталик не оставался, однако из прозрачных намеков домработницы Маша поняла, что в ее отсутствие случалось и такое.

И еще в доме появился пекинес Кузя – злобное скандальное существо. То ли матери его подарили, то ли отдали на время, а потом не смогли забрать, Маша не спрашивала. У Кузи был отвратительный характер – вредный и истеричный.

Он грыз дорогую мебель, прятался в темном коридоре и кусал за ноги всех проходящих. По утрам он норовил устроить лужу в прихожей возле двери, так что Маше, рано выходящей из дому, приходилось быть начеку.

Дарья Ивановна, которой вменялось в обязанности кормить пекинеса и гулять с ним три раза в день, тихо его ненавидела. Но сказать ничего не смела, поскольку мама совершенно неожиданно для всех, да, пожалуй, и для себя, чрезвычайно привязалась к собаке. Кузя спал у нее на кровати, мама сюсюкала с ним, называла своим мальчиком и деточкой. Маша только дергала плечом, слыша такое.

Несколько примиряло Машу с собакой то, что Виталика Кузя на дух не выносил, при встрече с ним заливался визгливым лаем и норовил цапнуть за ногу. Тот отвечал псу взаимностью, старался вроде бы случайно наступить ему на лапу и щелкнуть по носу. Однажды после такого Кузя прокусил Виталику палец до крови. Но мама только рассмеялась и сказала, что Виталик сам нарвался.

К тому времени Маша уже знала, что фирма, где работала мама, пошла в гору, теперь она владела сетью гипермаркетов «Бонжур», и мама являлась ее главным бухгалтером, все деньги проходили через нее.

Она не стала мягче в общении, пожалуй, исчезла только нарочитая грубость. Она по-прежнему глядела на окружающих холодно и равнодушно. Исключение делалось только для Кузи.

В общем, обстановка в семье не улучшалась. И однажды Маша достала из дальнего ящика стола смятую бумажку, что дала ей бабушка, и позвонила по указанному номеру. Ответила незнакомая женщина и на просьбу позвать к телефону Владимира Петровича не стала ничего расспрашивать, а просто передала трубку Машиному отцу.

Если бы Маша уловила в разговоре хоть малую толику недовольства и фальши, она тотчас бросила бы трубку. Но в голосе отца звучала такая искренняя радость, что у нее самой потеплело на сердце.

Они встретились.

Отец... Маша каждый раз запинаясь, произнося даже мысленно это слово, ее отец вполне преуспевал, был женат в третий раз на молодой привлекательной женщине, которая видела свое предназначение в том, чтобы украшать его жизнь и заботиться о муже. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд.

Маше очень нравилась их квартира – просторная, светлая, мебели мало, и воздух всегда свежий. Марина любила цветы и развела в гостиной целый сад. С отцом она была всегда ласкова, Маше иногда казалось, что чересчур. Впрочем, у нее не имелось опыта по этой части. Где ей было научиться обращаться с любимым мужчиной, с близким человеком, не дома же...

К Маше молодая жена отца относилась хорошо, встречала ее всегда приветливо, держалась ровно, дарила мелкие

подарки на праздники. Она не работала, но все время была занята – посещала то курсы по фэншуй, то занятия сальсой, то танец живота... Она очень серьезно относилась к разным предсказаниям и гороскопам, первым делом расспросила Машу, в год какого животного она родилась, какой ее любимый цвет, садовый цветок и так далее.

– Твой камень – изумруд! – сказала она как-то Маше, указывая на статью в дамском журнале. – Вот, кстати, и глаза у тебя зеленые.

До сего времени Маша и понятия не имела, что у нее зеленые глаза, она считала их серыми, с бурым оттенком.

Марина раскрыла красивую перламутровую шкатулку и выложила на стол старинный кулон. Цепочка была простая, зато сам кулон... Маша даже зажмурила глаза от нестерпимого зеленого света, хлынувшего на нее от камня. Кулон имел форму шестиконечной звезды, внутри сиял крупный изумруд, звездные лучи были усыпаны крошечными бриллиантами.

– Вот это да... – в восторге протянула Маша, а Марина уже застегнула цепочку у нее на шее.

Машины глаза в зеркале сияли почти таким же ярким зеленым светом, как и камень.

– Ну, что я тебе говорила? – торжествующе спросила Марина. – Изумруд – это твой камень!

– Отчего ты его не носишь?

– Ну... – Марина как-то поскущела, – кулоны сейчас во-

обще не в моде, а мой камень – бирюза... А это... это Володина тетка ему оставила, на память...

– Интересная вещь... – Маша взяла кулон в руки. – Старинная...

Маше очень нравилось бывать у отца. За ужином обычно сидели долго и говорили. Разговоры велись самые простые – о погоде, о новом кинофильме, о жизни кинозвезд, о Машинной учебе, о путешествиях. Отец много поездил и с удовольствием рассказывал про озеро Байкал, про далекую Сибирь, про Крайний Север...

Они с Мариной часто ездили куда-нибудь и оставляли Маше ключи, потому что Марина говорила, что цветы очень любят Машу и она может доверить их только ей.

Матери Маша ничего не рассказывала, она знала, что достаточно взрослая для того, чтобы самой за себя все решать. Тем более что ничего плохого она не делала.

Мама в последнее время виделась с дочерью крайне редко. У нее появилось новое занятие – она строила загородный дом. Участок, оказывается, она купила уже давно, а сейчас подошло время для строительства. Виталик часто возил маму на стройку, мама возвращалась домой поздно, когда Маша уже спала, а иногда вообще отсутствовала. Маша не задавала никаких вопросов, ей даже нравилось, что Виталик не таскается по дому и не роется в ее вещах. Он вел себя все более нагло, при встрече окидывал таким взглядом, от которого Маша краснела, а один раз притиснул ее в темном

коридоре, зажал рот вроде бы в шутку и стал шарить жесткими руками по груди.

Маша бестолково махала руками и пинала ногами пустоту, задела вешалку и на шум выглянула из кухни Дарья Ивановна со скалкой. Виталик отпустил Машу и ушел.

Вся сцена происходила в полном молчании: как уже говорилось, Дарья Ивановна в дела хозяев старалась не вмешиваться.

Маша мечтала, чтобы дом был построен, и тогда мать с Виталиком в него переедут, а она останется в квартире. И пока решила сцепить зубы и молчать.

Отец с Мариной уехали в Австрию кататься на лыжах, и когда Маша поливала цветы в их квартире, она взяла из шкапулки с перламутровой инкрустацией кулон с изумрудом.

– Вот и все... – Маша глядела несчастными глазами, как больной кролик.

– Ну что ж, теперь хотя бы понятно, из-за чего весь сырбор разгорелся, – медленно произнесла я, – но ты, дорогая моя, не сказала самого главного. Зачем ты взяла чужую вещь? За каким чертом тебе понадобился этот кулон?

Маша подняла на меня глаза в полнейшем смятении. Бьюсь об заклад, она очень надеялась, что я не задам щекотливого вопроса. Но я глядела уверенно, с прищуром, тогда Маша собрала оставшиеся силы и ответила:

– Вообще, это не имеет отношения к данному делу. Но...

я хотела показать его одному человеку...

Просто удивительно, до чего легко я читала в душе этой девочки! И ведь никогда не замечала за собой ни особого ума, ни проницательности. И опыта житейского у меня ненамного больше ее... Хотя у нее-то совсем опыта нету... Научить некому, посоветоваться не с кем... Мать вроде бы есть, а на самом деле считай, что нету. Господи, не дай бог никому такую мамашу!

Вспомнив, каким ярким блеском загорелись Машины глаза при упоминании ее преподавателя Геннадия Серафимовича, я все поняла.

Маша тоже сообразила, что я не отстану, и тихим шепотом поведала мне, что через общих знакомых узнала, что Геннадий Серафимович появится в одной известной галерее на открытии выставки его приятеля-художника. Маша исхитрилась и тоже достала приглашение на вернисаж. План был такой: встретиться там с господином Зоренко вроде бы случайно, а уж мимо такого кулона он ни за что бы не прошел, он интересуется старинными драгоценностями.

Я подавила в душе порыв высказаться нелицеприятно про Геннадия Серафимовича. Влюбилась в него девчонка, как кошка, так что, пожалуй, за такие слова можно и чашкой в лоб от нее получить...

– Ладно, пока мы это оставим. Стало быть, кто-то охотился не за твоей зачеткой, а за старинной драгоценностью. Но тогда я уверена, что твою сумку украл не какой-то мифи-

ческий воришка, который непонятно как оказался в вашей аудитории, а кто-то из своих. Кто-то, кто пронюхал о существовании кулона.

– Не может быть! – запротестовала Маша. – Я всех наших ребят хорошо знаю, они на такое не способны...

– Ладно, подруга! – оборвала я. – Люди иногда способны на такие вещи, что просто диву даешься! Вот, например, мой бывший муж... но, впрочем, это совсем другая история, и к нашему расследованию не имеет отношения. Ты мне лучше вот что скажи: показывала ты кому-нибудь кулон?

Не знаю, как у меня появилась эта мысль. Может быть, на нее натолкнуло то, как горячо она запротестовала, когда я сказала, что сумку украл кто-то из своих. Во всяком случае, по ее реакции я тут же поняла, что попала в точку: Маша завертелась как уж на сковородке и наконец проговорила:

– Никому, кроме Ленки...

– Ага, – я удовлетворенно кивнула, в очередной раз подивившись человеческой глупости. – Ленка – это та эффектная брюнетка в красном пальто, с которой ты распрощалась на пороге аудитории?

– Ленка Симакова – моя лучшая подруга! – воскликнула Маша в праведном гневе. – Не думаешь же ты, что она...

– Я пока ничего не думаю, – оборвала я ее. – А только пытаюсь по крупице выдавить из тебя подробности дела. Такое впечатление, что ты не хочешь вернуть свой кулон. То есть как раз не свой...

– Я хочу... – тяжело вздохнула моя глупая и доверчивая клиентка. – Да, вот еще: когда я показывала Ленке кулон, к нам подошел Вадик Воронко...

– Ну-ка, еще раз, медленно и подробно! – потребовала я. – Расскажи, как это происходило. Где ты хвасталась своим кулоном, кто такой этот самый Вадик...

– Я не хвасталась... – обиженно протянула она. – Я только показала...

История выглядела вот как.

Этой дурехе, конечно, ужасно хотелось похвастаться перед задушевной подружкой замечательным мачехиным кулоном. Она подгадала удобный момент между двумя лекциями, с загадочным видом отозвала Лену в дальний конец аудитории, огляделась по сторонам и достала из сумки драгоценную вещицу.

Ленка поджала губы и протянула:

– Поду-умаешь! Старье какое-то!

Это явно значило, что кулон произвел на нее сильное впечатление. Тем более что Ленка тут же добавила с явным интересом:

– Откуда это у тебя?

Маша сделала загадочное лицо. Честно говоря, она не успела придумать какую-нибудь красивую историю, а говорить правду не хотела, это было слишком скучно.

И в этот самый момент к ним подскочил Вадик Воронко и спросил, заглядывая чуть ли не в сумку:

– Девчонки, а что это вы тут делаете?

Вадик Воронко у них на потоке считается самым настоящим балбесом. Он вечно опаздывает со всеми курсовиками и рефератами, теряет библиотечные книги, забывает в автобусе пособия, путает лекции. Самым знаменитым его подвигом было, когда на втором курсе он пришел на экзамен по истории религии, подготовившись по курсу основ архитектуры, и когда преподаватель спросил его, какие он знает монашеские ордена, ответил, что знает ионический, дорический и коринфский ордер.

В общем, Ленка его быстро отфутболила, но он наверняка успел заметить красивое украшение.

– Значит, про кулон могли знать Лена Симакова и Вадик Воронко... – проговорила я задумчиво. – А то, что знают двое, – знают все. Ленка явно рассказала еще кому-нибудь...

– Она не стала бы! – горячо возразила Маша. – Она не такая!

– Ой, ну прямо! Она такое исключение из правил... а уж это ваш Вадик наверняка первоклассный болтун...

– Вадик – да, Вадик может... – погрустнела моя клиентка.

– Хорошо, – подвела я черту. – Начнем с Лены и Вадика. У вас сегодня какие еще занятия?

– Ой! – спохватилась Маша. – Я же на английский опаздываю! – Она подхватила рюкзачок, который носила после пропажи сумки, и вскочила из-за стола.

– А Ленка твоя там тоже будет? – осведомилась я.

– Все там будут, у нас контрольная! – бросила Маша на бегу. Буфетчица улыбнулась мне, оторвавшись от яркого глянцевого журнала, – мол, все они такие шевутные, студенты эти...

Пока Маша со товарищи парилась на контрольной по английскому, я переделала множество дел. Навела красоту в туалете, смоталась вниз к дяде Васе, отнесла ему стаканчик с кофе и велела быть наготове, а на обратном пути проверила у вахтерши, не подбросили ли ей Машины документы. Не подбросили, за стеклом ничего не лежало, что были – и те разобрали. Впрочем, я ничего иного и не ждала. Тот, кто украл кулон, просто обязан был немедленно выбросить сумку со всем содержимым как можно дальше. Если, конечно, он не полный дурак. Или дура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.